
LIBRARY OF CONGRESS
00006234562

LIBRARY OF CONGRESS
1800

ИЗГНАННИКИ.

ИЗГНАННИКИ.

ПОВѢСТЬ.

Соч. И. Калашникова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1834 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. П. Б. 22 Ноября 1833 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

Изданіе Книгопродавца
А. Ѳ. Фарикова.

И сію повѣсть мою, какъ и два прежніе мои Романа, издаю я съ цѣлію: знакомить моихъ читателей съ Сибирью.

Но говорятъ: „нельзя писать съ тѣмъ Романы, чтобы имѣть цѣлію: описывать въ нихъ страну.“

Нельзя писать, правда; но издавать можно съ этою цѣлію.

Сибирь моя родина, гдѣ я провелъ лучшіе, или, по крайней мѣрѣ, первые годы моей жизни; туда любитъ отлетать моя мечта въ часы раздумья: ибо тамъ живетъ воспоминаніе о времени, которое—каково бы оно ни было въ сущности—всегда драгоцѣнно человѣку, по природѣ своей лю-

бящему жить въ минувшемъ, удаляться въ безпечные годы молодости отъ заботъ и опыта лѣтъ возмужалыхъ. Блуждая по роднымъ, оставленнымъ мѣстамъ, задумчивая фантазія невольно воскрешаетъ въ нихъ минувшія событія и будитъ людей, давно сошедшихъ со сцены сей жизни. . . .

Когда усталый день послѣдній лучъ погаситъ;
Заблещутъ звѣзды въ вышинѣ,
И грустныя мечты столпятся надо мною;
Тогда, бесѣдуя съ печальною луною
О благахъ прежнихъ дней,
Смотрю я на сіи гранитныя громады,
Дворцы, чертоги, вертограды. . . .
Но нѣтъ! не говорятъ они съ душой моей;
Не льютъ на сердце мнѣ отрады,
И чужды для меня; я чуждъ для нихъ!...

Душа моя летитъ въ предѣлы мѣстъ
родныхъ,
Гдѣ все — и вѣтровъ завыванье,
И шумъ лѣсовъ, и горлицы взыванье,
И цвѣтъ знакомый облаковъ,
И томно средь пустынь катящіяся воды,
И горы дремлющи подъ тяжестью вѣ-
ковъ,—
Все возвращаетъ ей давно минувши годы;
Все дышетъ жизнію; вездѣ языкъ безъ
словъ!
Вездѣ минувшаго я слышу призыванья!...

Стихи сіи напечатаны мною задолго до изданія моихъ Романовъ. Такимъ образомъ носясь мечтою въ предѣлахъ Сибири, я долженъ былъ, по необходимости, писать ландшафты тамошней природы и изображать тамошніе нравы и обычаи: отсюда и родилось мое намѣреніе: Романы мои предать

печати, дабы познакомить съ Сибирью моихъ соотечественниковъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ ни охоты, ни времени заниматься сочиненіями другаго рода.

Мнѣ возражаютъ: „за чѣмъ же не изложу я свѣдѣній моихъ о Сибири въ одной книгѣ?" Потому, что въ мечтаніяхъ моихъ я нахожу наслажденіе, и пишу по невольному влеченію сердца, предоставляя людямъ, болѣе свѣдущимъ, издавать сочиненія ученыя.

Но „въ вашихъ Романахъ нѣтъ поэзіи." Я ничего не могу говорить въ оправданіе моего воображенія и чувствованія, если ихъ

созданія не суть поэтическія. Впрочемъ, если не нравиться вамъ моя книга, бросьте ее въ огонь — и дѣло кончено!

Наконецъ, недавно прочиталъ я еще слѣдующее: „Романы: *Дочь Купца Жолобова и Камчадалка*, богаты картинными изображеніями Сибири, доказываютъ, сколь безсильно и самое дарованіе, убитое подражаніемъ."

Правда, я не выдумывалъ новой формы сочиненій, и не стыдился писать по образцу безсмертнаго Шотландца; но происшествія, лица, мысли, чувствованія, картины, суть моя собственность, и, по весьма уважительнымъ причинамъ, мое владѣніе ею неприкосновенно. Я пер-

вый написалъ Сибирскій Романъ: кому я могъ подражать, кромѣ формы?

Самымъ сильнымъ опроверженіемъ означенныхъ замѣчаній служатъ похвалы и ободренія отъ людей, которые не имѣли ни малѣйшей причины мнѣ льстить, и которыхъ доброе слово не можетъ быть ни для кого не важно. Напримѣръ: всякой разъ я почти съ благоговѣніемъ внимаю, когда Патріархъ нашей словесности, мужъ и по уму, и по характеру, и по самой наружности, подобный мудрецамъ древности (я не смѣю именовать его) съ величайшею добротою и мудростію, или старается ободрительною хваλою поощрить къ

новому труду, или умными наставленіями желаетъ направить перо мое къ благой цѣли. Краткія минуты, проведенныя съ нимъ, будутъ всегда для меня драгоцѣнны. Мнѣ сообщенъ однимъ изъ первыхъ нашихъ литераторовъ отзывъ, сдѣланный симъ почтеннымъ мужемъ о первомъ моемъ Романѣ: *Дочь Купца Жолобова*, о которомъ онъ сказалъ, что *ни одного Русскаго Романа не читалъ онъ съ большимъ удовольствіемъ.*

Настоящая повѣсть моя, которую я располагался прежде напечатать въ журналѣ Г. Смирдина, также заслужила лестный отзывъ отъ многихъ литераторовъ, и въ томъ числѣ отъ

бывшаго редактора *Библіотеки для Чтенія*, *Г. Сенковскаго*, толь извѣстнаго своимъ умомъ и просвѣщеніемъ, который писалъ ко мнѣ, что повѣсть сія ему „очень „нравится, и что она будетъ не- „премѣнно напечатана въ означен- „номъ журналѣ.“ Сколь ни лестно участвовать въ прекрасномъ предпріятіи Г. Смирдина; но весьма уважительныя обстоятельства не дозволили мнѣ исполнить перваго моего намѣренія.

Въ числѣ лицъ, дѣйствующихъ въ сей повѣсти, Купецъ Шалауровъ, какъ извѣстно безъ сомнѣнія каждому просвѣщенному читателю, есть лице *историческое*. Въ 1762 году Шалауровъ отправился изъ устья р. *Колымы*

для отысканія пути въ Восточный океанъ. Конецъ его плаванія вполнѣ не извѣстенъ. Я старался поднять завѣсу съ жребія, его постигшаго, и разгадать думы сего необыкновеннаго человѣка. . . . . . Но дозволено ли добавлять мечтою Исторію?

Въ нашъ вѣкъ, когда прежнія теоріи вышли въ отставку, а новыя еще не утвердились на ваканціяхъ; когда каждый изъ пишущихъ хочетъ быть оригинальнымъ по самой формѣ сочиненія, и охуждаетъ формы, придуманныя самыми знаменитыми авторами,—въ нашъ вѣкъ нельзя безъ страха слѣдовать ни за кѣмъ, не исключая ни самаго Вальтеръ-Скотта. . . котораго

вся вселенная, въ самомъ прямомъ значеніи сего слова, вся вселенная читала и перечитывала съ хвалою и рукоплесканіемъ. Говорятъ: онъ изобрѣлъ родъ сочиненій неестественный, чудовищный, и что соединеніе Исторіи съ вымысломъ не возможно. Правда ли это?

Исторія говоритъ холодно, сухо и мертво; заслоняетъ лица и событія своею тѣнію; разсказываетъ о минувшемъ, а не возобновляетъ его; повѣствуетъ о лицахъ, уже изчезнувшихъ, а не воскрешаетъ ихъ, не проливаетъ жизни въ ихъ истлѣвшія кости, и не выводитъ на сцену предъ наши глаза. Потому-то, прочитавъ Исторію, я еще невпол-

нѣ удовлетворенъ: ибо во мнѣ рождается желаніе, котораго она выполнить не можетъ,—желаніе самому быть зрителемъ разсказанныхъ ею происшествій; самому видѣть тѣхъ, которые мнѣ сдѣлались извѣстны только по слуху; тѣхъ ужасныхъ или великихъ людей, тѣхъ благодѣтелей или извергов рода человѣческаго, о которыхъ она мнѣ столько наговорила хорошаго и худаго, — видѣть ихъ съ тайными ихъ думами, съ сокровенными порывами души, съ неразгаданными муками и наслажденіями, съ утаенными злодѣйствами и добродѣтелями. . . Исторія возбудивъ во мнѣ эту мучительную жажду любопытства, не

можетъ, какъ я сказалъ уже, удовлетворить моей страсти — и на помощь душѣ приходитъ божественная, всемогущая Поэзія! Она одна только способна произвесть чудо: заставить время перемѣнить свой обычный путь; вызвать изъ вѣчности вѣки, и пролить огонь жизни въ сердца, давно переставшія биться... Сіе-то высокое и очаровательное наслажденіе доставляетъ намъ Драма, Повѣсть, Романъ. Уничтожая Историческіе Романы, должно уничтожить и Историческую Драму: ибо это одно и тоже.

И. К.

———

I.

Спросите всякаго—и всякой скажетъ, что Сибирская природа пустынна, дика, угрюма. Такъ, это правда; но за то рѣдко гдѣ душа можетъ ощутить толь высокія идеи, какъ тамъ. Встаньте на дикихъ вы-

сотахъ Урала, за 60 градусовъ къ Сѣверу, и бросьте взглядъ до безлюдныхъ береговъ Восточнаго океана — что увидите? Безпредѣльную страну, уже отжившую свой вѣкъ; памятники древняго и великаго крушенія планеты; слѣды всемогущихъ вѣковъ, пролетѣвшихъ надъ дряхлою землею! Тамъ погасшіе волканы, скалы опрокинутыя, каменное нѣдро горъ, рѣками пробитое, ужасные остовы таинственныхъ жильцовъ первозданнаго міра, повсюду раскиданные,—и на гробахъ погибшихъ поколѣній тѣмнѣютъ дебри, и стоятъ, какъ могильные памятники, безмолвныя скалы. Жизнь только украдкою бросаетъ тамъ свои зародыши, и смерть властвуетъ неотразимо, одѣянная мракомъ и хладомъ. Самый духъ человѣческій, сжа-

тый враждебными стихіями, окрѣпъ и остановился тамъ на первой ступени бытія, и не смѣетъ ступить далѣе. Что такое тамошній человѣкъ? Въ чемъ проявляется его безсмертный разумъ? Чѣмъ отличается онъ отъ плотоядныхъ звѣрей, около него рыщущихъ?

Но что же? и посреди этихъ получеловѣковъ, и посреди этихъ мертвыхъ пустынь встрѣчаются души, правда, занесенныя туда бурею бѣдствій, но души свѣтлыя, по крайней мѣрѣ, въ спокойствіи проходящія путь жизни, если не въ счастіи.

Такъ, нѣкогда, на пустынномъ берегѣ Ледовитаго океана, къ Востоку отъ устья Колымы, жили два

скитальца, друзья съ младенчества, вмѣстѣ наслаждавшіеся счастливыми днями и вмѣстѣ постигнутые несчастіемъ. Бывали злополучныя времена и въ нашемъ Отечествѣ, когда злые блаженствовали, а добродѣтельные гибли. Слава Богу, сіи страшныя времена давно забыты; самые разсказы о нихъ почитаются почти баснею: ибо два поколѣнія настоящаго вѣка, старое и новое, родились и возмужали подъ правленіемъ мудрымъ и кроткимъ. Намъ не вѣрится уже, чтобы можно было изгонять людей по однимъ навѣтамъ безъ доказательствъ, по однимъ опасеніямъ сильнаго. Столько мы счастливы, и дай Богъ, чтобы мы только могли цѣнить свое положеніе! Но предки наши, дабы доставить намъ сіе счастливое со-

стояніе, должны были перенесть многое, многое! И потому-то не удивительно, что преданіе называетъ *несчастныхъ* [*], о которыхъ мы упомянули выше, страдальцами невинными.

Самые бѣдные домики, по—Сибирски: *зимовья*, принадлежавшіе симъ несчастнымъ, стояли въ страшной отдаленности отъ жилищъ человѣческихъ: ибо ближайшее селеніе, Нижне - Колымской острогъ, было отъ нихъ въ разстояніи болѣе двухъ сотъ верстъ. Да и что значитъ самый острогъ? Бѣднѣйшая деревушка, изъ пяти или шести домовъ состоящая, и находящаяся отъ другой по-

(*) Такъ вообще именуютъ ссыльныхъ въ Сибири.

добной деревушки верстъ на пять сотъ, тысячу и болѣе. Между сими деревушками нѣтъ никакихъ человѣческихъ жилищъ, кромѣ скитающихся племенъ дикарей; нѣтъ опредѣленныхъ дорогъ, и только звѣриная ощупь Тунгуса или Якута пролагаетъ къ нимъ путь посреди дремучихъ лѣсовъ, безчисленныхъ горъ и непроходимыхъ болотъ. Такова картина Сѣвернаго края Сибири!

Зимовья изгнанниковъ были построены при подошвѣ Баранова камня, въ самомъ близкомъ разстояніи одно отъ другаго, не были ни чѣмъ огорожены и не имѣли никакихъ запоровъ: ибо, кромѣ бурь и блуждавшихъ изрѣдка медвѣдей, бояться было некого. Нога человѣческая почти не посѣщала сіе уе-

диненное мѣсто, изключая не многихъ отважныхъ мореплавателей, тщетно пытавшихся пробиться между льдовъ до равнинъ Восточнаго океана. Внутреннее устройство зимовей соотвѣтствовало ихъ бѣдности. Они были раздѣлены перегородками на три самыя маленькія комнатки, сообразно числу помѣщавшихся въ нихъ жильцовъ: ибо изгнанники оба были женаты, и оба имѣли дѣтей. Жены ихъ сами рѣшились великодушно раздѣлять съ ними жребій ссылки; дѣти родились въ изгнаніи. Одинъ изъ несчастныхъ, котораго настоящее имя было скрыто подъ иносказательнымъ наименованіемъ: *Судьба*, имѣлъ сына, Андрея, юношу лѣтъ двадцати, и дочь, Елизавету, лѣтъ осьмнадцати; другой, слывшій подъ

прозваніемъ: *Неволя*, имѣлъ одну дочь, Ольгу, почти ровесницу Елизаветѣ.

Всѣ домашнія нужды [а онѣ были такъ ограничены!] исполнялись Ольгою и Елизаветою, подъ руководствомъ матерей. Маленькое скудное хозяйство ихъ, по крайней мѣрѣ, отличалось чистотою и опрятностію. Была во всемъ видна бѣдность, правда; но не было нищеты. Первая комната была вмѣстѣ и кухнею и столовою. Въ ней былъ въ переднемъ углу, подлѣ окна, поставленъ самый простой столъ, но весьма чистый, обставленный лавками. На стѣнѣ, противъ него, была устроена полка, на которой красовались оловяныя, досвѣтла вычищенныя тарелки и миска, нѣсколько фаянсовыхъ чайныхъ

чашекъ и чайникъ, наконецъ, ножи, вилки и ложки, заткнутые за прибитой къ полкѣ *брусокъ*. Другая полка, находившаяся недалеко отъ первой, была убрана горшками и сковородками, стольже чистыми, какъ и столовая посуда. Равнымъ образомъ и самая комната отличалась необыкновенною опрятностію. Не будемъ описывать прочихъ каморокъ: судя по чистотѣ кухни, можно сдѣлать и о нихъ вѣрное заключеніе; также не будемъ описывать каждаго зимовья порознь: ибо что было въ одномъ, почти то же самое было и въ другомъ; потребности и средства обитателей были одинаковы: все ограничивалось удовлетвореніемъ самыхъ необходимыхъ условій существованія.

Все домашнее дѣло и самая чистота комнатъ лежала на обязанности Ольги и Елизаветы; но впрочемъ, для успокоенія добраго и особенно молодаго читателя, мы спѣшимъ сказать, что прекрасныя ручки Ольги и Елизаветы не могли слишкомъ огрубѣть отъ трудныхъ работъ: ибо во многихъ случаяхъ замѣняли ихъ матери сами и еще чаще призывали на помощь женщинъ изъ Юкагирскихъ семействъ, кочевавшихъ близъ зимовей.

Между тѣмъ, какъ матери приучали дѣвушекъ къ доброму хозяйству, отцы, оба хорошо просвѣщенные, старались образовать ихъ умъ и сердце, на что были обыкновенно посвящаемы длинные зимніе вечера.

Книгъ рѣшительно почти не было, исключая двухъ: книги *Откровенія*, долженствующей бы замѣнить всѣ пщетныя системы разума, и великой книги *Природы*, втораго *Откровенія* для испытующаго взора. Недосказанное въ первой досказывается въ послѣдней, и обѣ составляютъ великое цѣлое, ощутительное для ума и сладостное для сердца. Ольга и Елизавета знали великія истины Христіанства; умѣли обьяснить многія явленія физическія; не думали, что родъ человѣческій ограничивается одними ихъ семействами; имѣли понятіе о его началѣ и послѣдующемъ бытіи, и главное: твердо помнили не однимъ умомъ, но и сердцемъ, свои обязанности къ Богу и къ людямъ. Чего же надобно еще болѣе?

Наружностію и душою обѣ подруги были прекрасны, хотя совершенно различны между собою. Ольга бѣлая, какъ снѣгъ, и румянная, какъ роза, имѣла огненные каріе глаза и русые волосы; Елизавета была смугла лицемъ, но имѣла благородныя правильныя черты и глаза небесноголубые. Въ Физіономіи Ольги выражались добрая, прекрасная душа, откровенная, непорочная, нравъ живой и веселой; на лицѣ Елизаветы была написана тихая кротость и томная задумчивость, признакъ души мечтательной, возвышенной, могущей жить внѣ дѣйствительнаго міра. Красота ея была красота неземная. Но не смотря на разность характеровъ, Ольга и Елизавета жили душа въ душу, и какъ же

бы могло быть иначе, когда ихъ на свѣтѣ и было только двѣ?

Братъ Елизаветы, Андрей, статный, рослый юноша, съ блестящими черными глазами, съ румянымъ полнымъ лицемъ, съ открытою мужественною физіономіею, былъ схожъ характеромъ болѣе съ Ольгою, нежели съ сестрою. Исполненный отваги и удальства, онъ проводилъ время, то сражаясь съ волнами океана на легкой *вѣткѣ* [*], то лѣпясь по утесамъ, въ погонѣ за хищными орлами. Андрей любилъ шутить вмѣстѣ съ Ольгою надъ меланхоліею сестры; но любилъ ее горячо, а Ольгу? Можно ли было нелюбить ему Ольгу, милую, веселую Ольгу, подругу съ дѣтства,

(*) Вѣтка=берестяная лодка.

которая раздѣляла съ нимъ большую часть его походовъ, и также мастерски умѣла сбираться на вершины неприступныхъ скалъ, и не разъ отваживалась даже рискнуть жизнію на обманчивой поверхности моря?

Отцы ихъ были, какъ мы уже сказали выше, друзья также съ дѣтства; но столь же различны нравами, какъ Елизавета и Ольга. *Судьба*, рослый старикъ, съ доброю, но съ задумчивою, почти мрачною физіономіею, смотрѣлъ на міръ, какъ на явленіе минутныхъ тѣней, и не привязываясь ни къ чему сердцемъ, никогда не роптал̀ъ на свой жребій, не отчаявался въ прощеніи и не предавался надеждѣ, пользовался земнымъ—настоящимъ, и думалъ только о бу-

дущемъ—небесномъ. Необыкновенная твердость души была его отличительною чертою. На противъ *Неволя*, отъ природы веселый и добрый, не имѣлъ, къ несчастію, сего прекраснаго качества; часто увлекался минутными впечатлѣніями, и если бы не великодушный другъ, онъ бы упалъ давно духомъ. Но даже самая дружба его не была безмятежна: невѣрный своимъ мнѣніямъ, онъ легко впадалъ въ ложныя заключенія, и часто оскорблялъ Судьбу своимъ, правда, самымъ краткимъ, но все таки разрывомъ, который, въ положеніи ихъ, былъ равно для обоихъ мучителенъ.

Жена Неволи, Анна Антоновна, особенно способствовала ихъ ссорѣ: это была родъ маленькой Ксантипы, так-

же горячо любившей своего мужа, столько же доброй и столько же вздорной. Бѣдность и уничиженіе не могли ее излечить отъ пустаго чванства и самыхъ глупыхъ расчетовъ честолюбія. Правда, чванство ея имѣло и хорошую сторону, именно: вело ее къ удивительной чистотѣ въ домашнемъ быту; но много, много было и зла отъ этого проклятаго порока. И то сказать: когда же порокъ бываетъ безъ худа?

На противъ жена Судьбы, милая, добрая и кстати упомянуть: дородная старушка, Варвара Степановна, была совсѣмъ иная . . . Но довольно о характерахъ: авось намъ удасться познакомить лучше съ ними читателя въ самомъ дѣйствіи нашей повѣсти.

II.

Былъ Январь, часъ девятый вечера, но это не былъ вечеръ: ибо безсмѣнная ночь продолжалась уже съ половины Ноября. Заря вспыхивала, около полудня, на Южномъ краѣ горизонта, и тотчасъ погасала; но солн-

це, прекрасное, благотворное солнце не восходило: ни просьбы, ни мольбы, никакая сила и могущество человѣческое не властны были поднять его изъ далекихъ безднъ, и хотя на минуту дать взглянуть на его свѣтозарный ликъ. Мы привыкли видѣть сіе прекрасное свѣтило, и, простясь съ нимъ вечеромъ, не думаемъ никогда о его восхожденіи; *завтра утромъ* — говоримъ мы равнодушно; но чтобы почувствовали мы, когда бы намъ сказали: утра уже не будетъ; солнце не взойдетъ долго, долго, и ночь постоянно будетъ покрывать небо? Съ какимъ бы нетерпѣніемъ мы ждали благодатнаго его явленія; съ какимъ бы восторгомъ увидѣли его первый лучъ!

Такъ наши пустынныя семейства, съ которыми мы познакомили читателя въ предъидущей главѣ, собравшись вмѣстѣ, въ домикѣ Судьбы около чаю, на канунѣ возвращенія солнца, почти только и разговаривали объ немъ.

—Вотъ, братъ Григорій Петровичъ —сказалъ со вздохомъ Неволя,—въ какомъ мѣстечкѣ Господь привелъ насъ пожить: и солнышка-то не скоро дождешься!

„За то мы лучше научились теперь цѣнить его . . .“

—Да, спасибо Бирону! вотъ скоро исполнится уже тридцать лѣтъ, какъ мы занимаемся этою оцѣнкою!

Правду сказать: онъ не могъ намъ дать лучшаго занятія, чтобы отъ насъ отдѣлаться!

„И я скажу — подхватила съ улыбкою Ольга,—что лучше не желала бы знать вовсе цѣны солнцу, нежели сидѣть два мѣсяца почти въ потьмахъ. Такая скука! Какъ, я думаю, должны быть счастливы тѣ люди, отъ которыхъ оно никогда такъ на долго не скрывается! Я думаю, они не насмотрятся на него....

—На противъ тамъ, гдѣ оно появляется каждое утро—говорилъ Судьба,—на него почти не смотрятъ, и даже не примѣчаютъ, есть ли оно на небѣ.

„Какъ? Неужели можно видѣть каждый день, въ теченіе года, такое прекрасное свѣтило, такое великолѣпное, такое благотворное и имъ не любоваться и не смотрѣть на него?... Ахъ, Боже мой, это даже не вѣроятно!

—А между тѣмъ это точно такъ! Человѣкъ обыкновенно не дорожитъ тѣми благами, которыми постоянно пользуется. Часто онъ пренебрегаетъ существеннымъ, и гоняется за мечтою. Есть люди, которые ни разу въ жизни не взглянули съ размышленіемъ на прекрасное зрѣлище звѣзднаго неба; ни разу въ жизни не любовались очаровательною Звѣздою Вечера, и вѣчно думаютъ только о тѣхъ

звѣздахъ, которые удовлетворяютъ честолюбію. . . .

—Если вы не шутите, батюшка — сказала Елизавета; — то я, право, не знаю, что подумать о такихъ людяхъ. Мнѣ кажется, нельзя не только не глядѣть, но наглядѣться на прекрасное звѣздное небо. Когда я смотрю на звѣзды, на луну: онѣ, кажется, такъ сладко, такъ внятно говорятъ со мною! . . .

„А мнѣ, напротивъ, эта луна—перебила съ усмѣшкою Ольга—такъ надоѣла въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцовъ, что, право, не смотрѣла бы на нее, и я почти выхожу изъ терпѣнія, ожидая прекраснаго моего солнца. . .“

„Ну теперь недолго! — сказала Варвара Степановна.—Если завтра будетъ ясная погода; то и я съ вами потащусь на гору; чтобы встрѣтить нашего милаго гостя. . . Чай, и ты пойдешь, Анна Антоновна: вѣдь прежде мы всегда, бывало, вмѣстѣ праздновали этотъ день.

„Не знаю, Варвара Степановна, а надо: велитъ ли еще Богъ встрѣтить въ другой разъ, кто вѣсть?“

—Ахъ! — воскликнула Ольга— если бы меня не пустили, я умерла бы, кажется, съ тоски! Шутка ли? Мы не видали солнышка цѣлыя восемь недѣль!

„Дѣти! —сказалъ Судьба съ отеческою добротою — вы теперь рве-

тесь смотрѣть на солнце, а забыли, что чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться день, тѣмъ менѣе будемъ мы видѣть этотъ великолѣпный фейерверкъ, который нынѣ безпрестанно горитъ надъ нашею головою. . . Богачи тратятъ тысячи, чтобы увидѣть что нибудь этому подобное, а мы, бѣдняки, видимъ это безпрестанно . . . Нѣтъ, дѣти! твореніе Божіе равно прекрасно, какъ при владычествѣ дня, такъ и ночи, и, сверхъ, того, не правдали, что, съ появленіемъ дня, человѣкъ почти теряетъ изъ виду небо, и весь погружается въ земную заботу, а ночь показываетъ ему во всемъ величіи Божіе всемогущество? Мнѣ кажется, тутъ есть даже какое—то тайное согласіе: когда наступаетъ время сна, подобіе смерти, тогда от-

крывается надъ человѣкомъ вѣчность и безпредѣльность, символы безсмертія.

„Конечно такъ—говорила Ольга,— твореніе Божіе всегда прекрасно: и при свѣтѣ дневномъ и при огняхъ Сѣвернаго сіянія; но—все таки невольно радуешься приближенію солнца. При встрѣчѣ перваго луча его, душа какъ бы оживаетъ; сердце такъ забьется радостно, и, мнѣ кажется, такое же чувство разливается въ немъ, какъ бы человѣкъ умершій вдругъ ожилъ и всталъ изъ могилы. Прежде я еще какъ-то равнодушнѣе переносила ночное время, а нынѣ — Богъ знаетъ почему! — оно мнѣ показалось такъ длинно, такъ длинно!

— И мнѣ тоже — подхватилъ Андрей—это время кажется безконечнымъ, и я даже начинаю отчаяваться, ужъ взойдетъ ли когда нибудь солнце.

— Причина этому нетерпѣнію весьма понятна!—замѣтилъ съ улыбкою Неволя.—И мы во время оно. . не правда ли, Анна Антоновна? . . . когда насъ сговорили, также думали, что не будетъ конца несносной отсрочкѣ.

—Полно, балагуръ!—отвѣчала Анна Антоновна, стараясь скрыть сладкую улыбку, блеснувшую на ея губахъ при воспоминаніи о пріятнѣйшемъ времени молодости.—Взгляни-ка, въ какую краску вогналъ ихъ, бѣдныхъ!

,,Да, молодость—говорилъ Судьба, давая разговору болѣе важный видъ — нетерпѣлива во всѣхъ случаяхъ жизни. Она вѣчно увлекается своими чувствованіями; но человѣкъ долженъ всегда владычествовать надъ собою, надъ обстоятельствами, надъ природою: ибо тогда только онъ будетъ, гдѣ бы ни находился, спокоенъ и счастливъ. Скажу даже про себя: много перешелъ я превратностей въ жизни, но вездѣ видѣлъ, что душу легко можно пріучить ко всякому положенію, и во всякой сферѣ состоянія есть непремѣнно свои условія счастія. Боже мой! что такое счастіе? Когда чувствую миръ въ душѣ; когда вижу спокойствіе въ своемъ семействѣ; когда увѣренъ, что друзья мои ко мнѣ искренни: я рѣшительно

счастливъ въ эту минуту, хотя и брошенъ за тридесять земель въ тридесятое царство. Если нѣтъ миру ни съ самимъ собою, ни съ другими: тогда повсюду адъ, гдѣ бы человѣкъ ни былъ. Въ обществѣ эта истина, правда, не такъ ощутительна: нѣтъ миру въ душѣ—прибѣгаютъ къ разсѣянію; нѣтъ миру съ другими—ищутъ новыхъ связей. Но мы, сироты среди бѣлаго свѣта, мы, одинокіе жильцы пустыни, должны, кажется, вполнѣ увѣриться, что миръ и любовь намъ необходимы. . . Ахъ, друзья мои! дайте мнѣ всѣ обѣщаніе, что въ нынѣшній годъ, доколѣ солнце не скроется отъ насъ, ни малѣйшая тѣнь оскорбленія не закрадется въ наши сердца. Дѣти мои! начинаю съ васъ.

„Мы обѣщаемся, любезный батюшка!“ — вскричали Елизавета и Андрей.

— И я — подхватила Ольга.

„Всѣ, всѣ, обѣщаемся!“—говорилъ съ полушуткою Неволя.

— Если такъ, то не правда ли, друзья мои, что мы, въ эту минуту, счастливѣе всѣхъ вельможъ и богачей?

Всѣ подтвердили вопросъ Судьбы.

Чай кончился. Бесѣдующіе раздѣлились на группы. Старые заговорили о минувшемъ, а молодые принялись за работы: Андрей пересматривалъ сѣти; дѣвушки вязали чулки и

между тѣмъ тихо напѣвали одну изъ любимыхъ Судьбою пѣсенъ.

„Ахъ, ты родина ль моя, родина!
Страна милая, страна радости,
Гдѣ прошли мои годы первые,
Годы первые, невозвратные!

* * *

Вихры ярые, вѣтры буйные
Унесли меня, добра молодца,
Со родимыя со сторонушки,
Разлучили-то съ отцемъ, матерью,
Съ отцемъ, матерью, съ родомъ, племенемъ. . .

* * *

Ужъ опять когда я увижу ли
Тебя, родина не забвенная?
Я сложу ль когда ношу тяжкую
Жизни скучныя на брегу родномъ? . .

* * *

Нѣтъ, не течь рѣкѣ вверхъ къ исходищу;
Не бѣжать ручью на круту скалу;
Дню минувшему не придти назадъ:
Не видать мнѣ, безпріютному,
Ни родныхъ полей, ни родныхъ людей,

И сложить-то, знать, буйну голову
На чужой землѣ, на чужихъ рукахъ!“

Судьба слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, и, глубоко разстроганный, началъ непримѣтно утирать слезы.

—Ужъ не плачешь ли?—насмѣшливо спросилъ его Неволя. — А кажется недавно проповѣдывалъ о счастіи!

„Это сладкія слезы, Алексѣй Михайловичъ! Ахъ! Русская пѣсня на Русское сердце дѣйствуетъ удивительно! Такъ и видишь матушку Русь, съ ея бодрымъ, удалымъ, чуднымъ народомъ!

—Но все — таки эта пѣсня ужъ слишкомъ заунывна; лучше бы—пове-

селѣе! Да не спѣть ли Тунгускую: *охурь, іохурь?*

,,А что въ самомъ дѣлѣ!—подхватила, смѣясь Варвара Степановна.—Спойте-ка, да ужъ коли пошло къ тому дѣло, такъ и спляшите ради завтрешняго нашего праздника.

— Извольста.

Алексѣй Михайловичъ, приговаривая: *охурь, іохурь,* началъ плясать по-Тунгуски; все общество, смотря на него, помирало со смѣха; самъ Судьба не могъ не разсмѣяться; но вдругъ послышался лай собакъ, всегда чующихъ еще вдалекѣ приближеніе чужихъ людей. Пляска остановилась, и всѣ стали прислушиваться: ибо прі-

ѣздъ гостя былъ для нашихъ пустынниковъ самая рѣдкая и радостная эпоха.

III.

Въ то время, какъ наши странники, подъ кровомъ дружества и мира, такъ спокойно и весело проводили самую скучную часть полярнаго года, почти забывая, гдѣ они, и что вокругъ нихъ дѣлается,—ихъ окружала

пустыня дикая, покрытая глубочайшимъ снѣгомъ, и то разрываемая буйнымъ, воющимъ вѣтромъ, то, какъ могила, покойная подъ гнѣтомъ мороза, превышавшаго всякую мѣру и всякое воображенiе. Нигдѣ, на величайшемъ пространствѣ, не было видно ни только человѣка, но и самыхъ слѣдовъ человѣческаго жилища. Никакое животное не могло переносить страшной силы полярнаго мороза: птицы улетали въ теплѣйшiя страны; звѣри скрывались въ норахъ. Изрѣдка только появлялся бѣлый медвѣдь, не ярый, не гнѣвный, но угрюмый и мрачный, какъ окружающая его природа.

Мы сказали выше, что была ночь;—ночь, правда, слишкомъ продолжительная, но за то великолѣпная,

очаровательная. Представте себѣ синее небо, и по всему пространству его разсыпанные милліоны мерцающихъ звѣздъ. Онѣ не грѣютъ, не освѣщаютъ, но, подобно блестящимъ очамъ эѳирныхъ духовъ, смотрятъ съ неба, какъ бы съ участіемъ, на печальную землю. И не по мановенію ли сихъ горнихъ жильцовъ вдругъ вспыхнуло, по всему протяженію Сѣвера, пламя, но пламя небесное, какого никогда не возжигала рука человѣческая? Свѣтъ его подобенъ воображаемому свѣту окрестъ чистыхъ духовъ: тонкій, прозрачный, почти духовный. На землѣ нѣтъ для него ни словъ, ни примѣра, а смотря на небо, можно уподобить его только млечному пути, столь же духовному и столь же непостижимому. Изъ сего

свѣтозарнаго облака мгновенно взлетѣли къ зениту бѣлые, лучеобразные столбы, и начали—бой ли между собою, или чудную игру, можетъ быть, понятную лишь для однихъ безплотныхъ жильцовъ эѳира. Столбы перебѣгали, съ непостижимою для смертнаго скоростію; сшибались, повидимому, между собою; но невредимо пробѣгали другъ сквозь друга, не разрывая небеснаго своего тѣла, и съ каждымъ мгновеніемъ новыя толпы ихъ раждались и изчезали. Но еще явились невиданные, чудные бойцы, какъ бы воспаленные гнѣвомъ, или обагренные кровію. Вся пустыня, до того блѣдная, покрылась отъ нихъ пожарнымъ заревомъ. Взору они представлялись темнокрасными, почти малиновыми цилиндра-

ми, стольже быстро летавшими, какъ столбы, и стольже скоро изчезавшими и возрождавшимися; но что они были на самомъ дѣлѣ? и что такое значитъ все это удивительное, волшебное зрѣлище? Я бы сказалъ: это сновидѣніе спящей природы; но на мысль мою возопіютъ отвсюда: ибо и мудрецъ и невѣжда давно силятся изъяснить сіе явленіе, хотя оба стоятъ почти на одной степени.

Посреди освѣщенной симъ небеснымъ пламенемъ полярной пустыни, ѣхали на собакахъ трое путешественниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстный мореплаватель Шалауровъ, другой—сынъ его, а третій—ихъ служитель, изъ отставныхъ матрозовъ. Каждый изъ нихъ былъ одѣтъ въ

двухъ шубахъ, изъ которыхъ одна, называемая по — Якутски: *санаякъ*, была надѣта вверхъ шерстью; на головѣ былъ чебакъ; на лицѣ — заячья маска; на шеѣ — ошейникъ изъ бѣличьихъ хвостовъ; на рукахъ—рукавицы изъ лисьихъ лапъ вверхъ шерстью; на ногахъ—торбасы изъ оленьей кожи.

— Какъ, Владиміръ, говорили у васъ въ училищѣ о здѣшнемъ сіяніи? —спросилъ Шалауровъ своего сына.

„Мнѣніе ученыхъ различны, батюшка; но большая часть полагаютъ. . .

Эхъ, Владиміръ Никитичъ!—перервалъ матрозъ—какъ можно толковать о небесномъ, когда мы не знаемъ, что

и вокругъ - то насъ совершается. Вотъ хоть теперь, примѣрно сказать, какъ вы думаете: куда намъ ѣхать? А я какъ ни погляжу, Никита Андреевичъ, только ѣдемъ мы не на ваше зимовье . . . . Какъ бы намъ не заблудиться, храни Боже, на этомъ дьявольскомъ пустоплесьѣ, а морозъ, слышь, такъ и прохватываетъ.!

— Послѣ сіянія, морозъ всегда увеличивается — отвѣчалъ Шалауровъ. — Но почему ты думаешь, что мы ѣдемъ не къ своему зимовью? . . .

— А вонъ, посмотрите, направо: видите ли утесъ—то? . . . Вотъ уже пройдетъ облачко-то мимо мѣсяца,

такъ будетъ виднѣе. . . Вонъ, вонъ, видите теперь, бѣлѣется—то?

„Теперь вижу. . . .“

—Мнѣ этотъ утесъ сильно памятенъ. Вишь, шлялись мы съ отцомъ за звѣремъ; такъ меня лукавой угораздилъ взлѣзъ на этотъ утесъ за орломъ . . . Я тогда былъ еще мальчишкой . . . . Чуть я не оборвался, и поминай бы какъ звали . . . . Тфу, какъ начало забирать; руки, словно, не мои становятся! . . .

„Ну такъ что же этотъ утесъ?“

—Такъ вотъ видите: если ѣхать теперь, не сворачивая къ нему, налѣво; то какъ разъ выѣдешь къ Баранову камню, къ зимовьямъ ссыль-

ныхъ. . . . Вотъ куда унесло насъ, прости Господи! . . . Экой дьяволъ этотъ Тунгусишка! Пришло же ему, окаянному, въ голову бросить насъ на пустоплесьѣ. . . Чтобъ ему околѣть дорогою!

„Нечего дѣлать теперь. Ѣхать къ моему зимовью ужъ далеко; поѣдемъ къ Баранову камню.

Между тѣмъ морозъ съ часу на часъ увеличивался. Воздухъ быстро сгущаясь, превратился въ ужасный туманъ. Бѣдные путешественники были окружены непроницаемою мглою и должны были ѣхать на угадъ. Дыханіе съ трескомъ замерзало, и лицовая маска покрылась толстою куржевиною; грудь тѣснило; рѣсницы смерзались.

Надобно было имѣть много и мужества и здоровья и особенно привычки, чтобы перенести этотъ ужасный хладъ, который, подобно пламени, пожигалъ тѣло.

— Ахъ, Боже мой! — прошепталъ сынъ Шалаурова едва слышнымъ голосомъ. — Ноги мои совсѣмъ оледѣнели, и смертельно сонъ клонитъ меня. . .

„Отъ чего же ты давно не сказалъ мнѣ?— сказалъ Шалауровъ.—Скочи скорѣе съ санковъ и бѣги бѣгомъ!

„Сей часъ, батюшка!—отвѣчалъ Владимiръ, и между тѣмъ не шевелился съ мѣста. Смертная, но самая, говорятъ, сладкая дремота овладѣвала имъ. Шалауровъ опрометью скочилъ

со своихъ санковъ и заставилъ сына силою бѣжать вмѣстѣ съ нимъ, хотя на бѣгу еще болѣе захватывало дыханіе. Въ это время подулъ небольшой *хіусъ* съ моря, и туманъ началъ прочищаться.

„Сберись съ духомъ, Владиміръ: жилье, кажется, недалеко. . . Смотри-ка, Степанъ: что это такое, звѣзда, или огонь?

—Да, кажись, что огонь! Слава те, Христе! Признаюсь: и я трухнулъ было! Мой отецъ положилъ, чуть ли не на этомъ мѣстѣ свою головушку: думалъ я, и мнѣ не остаться бы здѣсь. Ночь, туманъ, а дорогу одинъ Богъ знаетъ. . .

—Я не могу идти далѣе — говорилъ Владимiръ;—чувствую, что кровь во мнѣ мерзнетъ. . .

,, Стыдись, мой другъ, быть такъ слабымъ — говорилъ Шалауровъ, примѣтно смутившiйся, но умѣвшiй во всякой опасности владѣть собою;— старайся собраться съ силами; ночлегъ недалеко. . . Чу! слышишь ли лай собакъ? . . Ободрись, мой другъ! . . Пойдемъ скорѣе!

Такимъ образомъ Шалауровъ, сохраняя все присутствiе духа, хотя и страшась за сына внутренно, почти на рукахъ дотащилъ его до хижинъ, гдѣ обитали наши знакомцы.

Шалауровъ былъ по званiю — ку-

пецъ, но Герой по духу отважному, предпріимчивому и неустрашимому; послѣдняя отрасль сихъ пламенныхъ мужей, которыхъ душа горѣла любовію къ битвамъ и подвигамъ. Тѣ ошибаются, которые думаютъ, что одно корыстолюбіе было пружиною всѣхъ великихъ дѣлъ, совершенныхъ завоевателями Сибири: мелкая страсть довольствуется и мелкими средствами. Но переходя изъ пустыни въ пустыню, отъ битвы къ битвѣ, сражаясь съ людьми и съ природою, наконецъ пускаясь въ неизвѣстныя и ледяныя моря на утлыхъ ладьяхъ, надобно было имѣть несравненно возвышеннѣйшее побужденіе, нежели подлая корысть. Кто знаетъ духъ Русскаго народа, тотъ легко изъяснитъ сіе побужденіе. Что заставляетъ, на-

примѣръ, нашего простолюдина бросаться въ рѣку, когда она покрывается льдомъ, и скакать, съ величайшею опасностію, со льдины на льдину? жажда похвалы, славы, врожденное мужество и отвага! Нося въ душѣ этотъ высокій даръ природы, *Эрмакъ* пустился завоевывать царство; *Хабаровъ* бросился со 150 человѣками за пріобрѣтеніемъ Амура; *Дешневъ* отважился предаться бурямъ и льдамъ Ледовитаго океана. Сюда же принадлежитъ и Шалауровъ!

Сынъ Шалаурова не былъ таковъ, какъ его отецъ; но имѣлъ другія прекрасныя качества: наружность благородную, душу чувствительную, умъ образованный.

Третій сопутникъ разсказалъ уже самъ о своемъ житьѣ, бытьѣ.

И такъ поспѣшимъ за Шалауровымъ въ домикъ Судьбы.

IV.

Надобно проѣхать верстъ двѣсти или триста по снѣжной пустынѣ, подъ вліяніемъ *хіуса*, *пурги*, сорока-градусныхъ морозовъ, безъ малѣйшей надежды на теплый ночлегъ, чтобы живо представить вос-

хищеніе Шалаурова, когда онъ нашелъ, сверхъ всякаго ожиданія, пріютъ не только теплый, но чистый, удобный, самый пріятный, и при томъ хозяевъ радушныхъ, добрыхъ и умныхъ. Зрѣлище счастія сихъ двухъ семействъ, отдѣленныхъ отъ міра и заброшенныхъ на край земли, не могло не поразить его и не пробудить различныхъ идей въ его мыслящей душѣ.

— Признаюсь, Григорій Петровичъ—говорилъ онъ, выходя на другой день поутру изъ своей комнаты —чѣмъ я болѣе думаю о вашей здѣшней жизни, тѣмъ болѣе ваше положеніе дѣлается для меня поучительнѣе. Я вѣкъ свой проскитался за мечтою, называемою счастіемъ—и не

былъ счастливъ, а вы нашли его въ несчастіи!

,,Такъ, теперь мы всѣ, дѣйствительно, счастливы—отвѣчалъ Судьба съ глубокимъ вздохомъ:—ибо дѣти мои [Ихъ не было при семъ разговорѣ.] родились здѣсь, и не видали лучшаго, кромѣ тѣхъ крохъ, которыя остались у насъ отъ прежняго нашего имѣнія; самъ я состарѣлся, и, какъ знать, можетъ быть прежде, нежели совершитъ солнце наступающій кругъ, меня уже не будетъ въ этой пустынѣ. Но чего стоило, Никита Андреевичь, пріучать душу къ настоящему положенію? Чего стоило видѣть себя обреченнымъ на вѣчное бездѣйствіе, видѣть себя погребеннымъ въ этой пустынѣ, когда я чувствовалъ

еще крѣпость силъ моихъ; когда еще зналъ, что я могу быть, хотя чѣмъ нибудь, полезнымъ моему Отечеству?"

— Я понимаю твою прошедшую скорбь, великодушный человѣкъ—отвѣчалъ Шалауровъ, сжимая руку Судьбы; — ибо чувствую, что если бы отняли у меня прекрасную свободу служить моей родинѣ, я не перенесъ бы этого! Повѣришь ли ты мнѣ, другъ мой. . . [Дозволь мнѣ называть тебя этимъ именемъ!]. . . повѣришь ли мнѣ, что не смотря на мое неважное званіе, —слава, благо Отечества наполняютъ, пожигаютъ мою душу. Хочу быть ему полезнымъ, и положу мою голову, или прибавлю хотя единую каплю къ его славѣ и благоденствію. . . Знаю, что это мечта,

но пусть будетъ такъ; не разрушайте этой сладкой мечты!

„Если это и въ самомъ дѣлѣ мечта — говорилъ съ чувствомъ Судьба, —то мечта благородная, прекрасная. Ахъ! вы пробудили и въ моей душѣ много прежняго, но мое время уже прошло! [На глазахъ Судьбы мелькнули слезы.]

—Ба, ба, ба! —- воскликнулъ вошедшій въ комнату Неволя. — Опять ты, братъ Григорій Петровичъ, что-то зарюмилъ! . . . Ну что, какъ вашъ больной, Никита Андреевичъ?

„Благодаря моихъ добрыхъ хозяевъ, ему лучше.“

Слава Богу! . . . Да гдѣ Варвара Степановна? . . . Чай, сбирается на гору? . . . А вотъ и моя старуха тащится. . . Тфу ты, Господи! какъ всѣ разфрантились! На всѣхъ новые партки и торбасы! Хоть сейчасъ всѣхъ въ придворный маскерадъ представь!

Наконецъ часу въ одинадцатомъ дня разсвѣтало.

„Пора, пора!—провозгласилъ Алексѣй Михайловичъ.—Если идти, такъ мѣшкать нечего! Пойдемте, Варвара Степановна; я васъ поведу на гору; вѣдь я вашъ старинный кавалеръ.“

А если такъ—сказалъ, улыбаясь Судьба, – то надѣюсь, вы позволите

мнѣ пройтись съ вами, Анна Антоновна!

Такимъ образомъ старики пошли впередъ, и вмѣстѣ съ ними Шалауровъ. Андрей велъ свою невѣсту, а Владимiръ Елизавету. Подъемъ на гору былъ довольно крутъ, но не снѣженъ; ибо снѣгъ былъ размѣтенъ вѣтромъ. Равнымъ образомъ вершина горы была почти совершенно чистая. Взойдя на нее, пустынники увидѣли предъ собою картину дикую, но величественную. Къ Югу и Западу виднѣлась безпредѣльная тундра, убѣгавшая отъ взора; къ Сѣверу и Востоку — море молчаливое, безмолвное, какъ вѣчность, со своими хрустальными, волшебными горами, горѣвшими, при переливахъ зари, разновидными

глянцами. Но вниманіе пустынниковъ было все обращено на Юго-Востокъ, гдѣ скрывался еще предметъ ихъ нетерпѣливыхъ ожиданій. Къ счастію ихъ, погода была ясная; холодъ, по причинѣ небольшаго вѣтра, умѣренный [*].

— Кажется, теперь ужъ недолго? — говорила Ольга.

„Да! свѣтъ на краю неба становится уже весьма бѣлъ — замѣтила Варвара Степановна.

—Много что еще минутъ пять!— говорилъ Неволя.

„Дай Богъ, чтобы поскорѣе—ска-

(*) Морозы на берегахъ Ледовитаго океана менѣе, нежели во внутренности Сибири; притомъ во время вѣтра они дѣлаются умѣреннѣе.

залъ Андрей;—въ пустынѣ поднимается туманъ, и облака, какъ нарочно, бѣгутъ быстро на Югъ. . .“

—И скоро совсѣмъ закроютъ бѣдную мою луну!—замѣтила Елизавета своему спутнику.—Посмотрите на нее: какъ поблѣднѣла она, точно какъ бы отъ печали, что разстается съ нами.

„Вы, вѣрно, любите луну?—спросилъ Владиміръ, столько же, какъ Елизавета, склонный къ мечтанію.“

Можно ли не любить этого прекраснаго свѣтила? — отвѣчала она.

„Я и самъ люблю его! Мнѣ всегда кажется, когда на него смотрю, что будто тамъ моя родина, что сюда я только брошенъ на минуту, и что

скоро опять увижу эту родную страну. . .“

— Но вамъ еще рано думать о смерти?„

„Боже мой! почему рано? и что жизнь, когда не надѣюсь быть въ ней счастливымъ? Какой-то тайный голосъ это мнѣ нашептываетъ безпрестанно. . .

Не нужно оканчивать сего разговора: ибо кто не велъ подобнаго въ своей молодости? Молодые люди всегда склонны къ мечтанію о смерти: ибо смерть заключаетъ въ себѣ много поэзіи, и представляетъ обширное поприще для фантазіи. Особенно вблизи прекраснаго, милаго существа само

сердце говоритъ невольно о смерти, чтобы возбудить въ груди подруги участіе, сожалѣніе, всегда почти перерождающіяся въ любовь. То же было и между нашими друзьями. Но надобно сказать прежде, что сердце Елизаветы, по неизъяснимой игрѣ природы, въ самый первый мигъ появленія Владиміра, казалось, сказало ей ясно: это онъ. Никто не замѣтилъ тогда ея смущенія, и сама она не могла изъяснить своего чувствованія; но при семъ расположеніи ея души печальное размышленіе Владиміра естественно должно было сдѣлать на нее сильное впечатлѣніе. Она невольно взглянула на него съ сердечнымъ участіемъ; души ихъ таинственно узнали уже одна другую; нужно было только, чтобы электрическая искра переле-

тѣла между взорами. Она блеснула — и волшебный огонь любви вспыхнулъ въ сердцахъ. Что чувствовалъ въ сію небесную минуту Владимiръ, описать трудно: ибо первое воспламененiе любви есть явленiе, неизъяснимое земными словами. Казалось, онъ что-то хотѣлъ сказать еще, но взоры его высказали уже все; не было мысли, которую бы онъ могъ употребить съ приличiемъ; разумъ его какъ бы потемнѣлъ, ибо пылало сердце. Наконецъ онъ собрался съ духомъ, но въ эту самую минуту, всѣ бывшiе на горѣ, не сносяя взоровъ съ Юго-Востока, воскликнули съ величайшею радостiю: „Вотъ оно! Вотъ оно!"

Золотой край солнца показался изъ за горизонта и блестящiй лучъ его

мгновенно разсыпался на милліоны алмазныхъ искръ инея, и, озаривъ ледяныя горы, засверкалъ яркими звѣздами по ихъ зеркальной поверхности. Завиднѣлись вдали волшебные башни, дворцы, города, сложенные изъ чистаго хрусталя не рукою смертнаго: *кто смертный бы къ нимъ прикоснулся*? Различныя видѣнія то приближались, то углублялись въ даль моря, по движенію волнъ, и внезапно самыя отдаленныя являлись самыми близкими, почти доступными ощупи рукъ [*]. Казалось, не законъ природы владычествовалъ здѣсь, но очарованіе и волшебство.

Пустынники, съ минуты появле-

(*) Этотъ оптической обманъ весьма часто случается въ полярныхъ моряхъ.

нія перваго луча, смотрѣли, съ радостнымъ трепетомъ сердца, на восходѣ давно невидѣннаго ими солнца, и когда огненный шаръ его вышелъ весь изъ за отдаленной тундры, они бросились обнимать и поздравлять другъ друга съ желаннымъ и милымъ гостемъ. Елизавета и Андрей цѣловали руку Судьбы; Ольга въ восторгѣ кинулась на шею отца. Всѣ были веселы, радостны, счастливы; всѣ чувствовали такое же восхищеніе, какое ощущаетъ иногда сердце при встрѣчѣ стараго и любезнаго ему друга, бывшаго въ долгой разлукѣ.

Между тѣмъ солнце, едва отдѣлившись отъ горизонта, опять начало склоняться къ нему; такъ что въ продолженіе одного часа были и

утро и вечеръ. Пустынники дождались минуты заката, и тогда Судьба сказалъ: „Ну, друзья мои! пойдемте же, поблагодаримъ Бога, что онъ еще сподобилъ насъ увидѣть прекрасный день свой.“

V.

Солнце, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе оставалось на горизонтѣ. Вѣсна, правда, самыми медленными шагами, такъ сказать, нéхотя, но все таки приближилась, наконецъ, и къ немилымъ ей полярнымъ стра-

намъ. Время было уже позднее: конецъ Маія. Природа должна была дѣйствовать быстро — и въ самомъ дѣлѣ обновленіе ея было внезапное, почти мгновенное: вдругъ снѣгъ изчезъ съ вѣчныхъ тундръ, и снѣжные ручьи хлынули съ горъ въ море. Въ половинѣ Іюня показалась трава, и, особенно въ окружности домиковъ, раскинулась прекрасная зелень, и даже разцвѣли цвѣты. По словамъ одного почтеннаго путешественника [*], сіе мѣсто было самое пріятное по всему тамошнему берегу. Защищенное отъ Сѣверныхъ вѣтровъ высокими горами, оно пользовалось большею теплотою, противъ прочихъ береговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ было орошаемо чистымъ горнымъ ручьемъ.

(*) Сарычева, стр. 95.

Казалось, что съ наступленіемъ пріятнѣйшаго времени наши пустынники будутъ еще счастливѣе; но, къ сожалѣнію, вышло на оборотъ. Не всѣ изъ нихъ сдержали слово, данное Судьбѣ въ извѣстный вечеръ, и проклятый духъ раздора посѣтилъ и ихъ отдаленныя хижины.

Шалауровъ, отъѣзжая, дня черезъ два послѣ солнечнаго появленія, въ свое зимовье, стоявшее при устьѣ Колымы, не захотѣлъ подвергать сына новой опасности отъ мороза: ибо, находясь только первую зиму въ полярной странѣ, Владимiръ не имѣлъ еще необходимой привычки для перенесенія тамошней палящей стужи. Сверхъ того, тутъ участвовала и отеческая любовь. Шалауровъ, сколь-

ко былъ неустрашимъ и рѣшителенъ въ отношеніи къ себѣ, столько же боязливъ и остороженъ въ отношеніи къ сыну: слабость природы, замѣченная и въ самыхъ великихъ людяхъ! Не извѣстно, охотно или нѣтъ остался Владиміръ; но, говорятъ, что онъ не сказалъ ни слова ни pro, ни contro: ибо сердце его было между двухъ магнитовъ, почти одинаково притягивавшихъ. Люди благоразумные скажутъ: „все же ему надобно было предпочесть отца!“ Конечно такъ; самъ Владиміръ думалъ тоже; однакожъ остался. Эхъ, друзья мои! кто не былъ молодъ? Кто Богу не грѣшенъ? Кто бабушкѣ не внукъ?

Между тѣмъ надобно признаться однакожъ, что именно это об-

стоятельство, т. е. зимовка Владиміра въ домикѣ Судьбы, и было причиною раздора, поселившагося между пустынниками. Чуденъ человѣкъ, подумаешь! О чемъ бы, казалось, еще ссориться на берегу Ледовитаго моря, гдѣ и было только два семейства? Какіе бы могли тутъ вкрасться расчеты, повидимому? Что за сплетеніе могло быть выгодъ и желаній, вдали отъ всякаго поприща страстей? Нѣтъ! и тутъ нашлась таки причина къ ссорѣ и даже къ злобѣ продолжительной!

Анна Антоновна хотя и согласилась сговорить Ольгу съ Андреемъ, сыномъ Судьбы; но не совсѣмъ весело смотрѣла на предстоявшую ихъ свадьбу, для совершенія которой на-

длежало отправиться въ Нижне-Колымскъ. Нечастное чванство напоминало ей безпрестанно, что она не ссыльная; что за мужемъ своимъ она пріѣхала добровольно, и что, слѣдовательно, имѣла полное право выдать свою дочь за лучшаго жениха. Самыя сильныя убѣжденія мужа, самыя горячія слезы Ольги могли только поколебать ее; но болѣе всего служило къ ея убѣжденію то, что другаго жениха не было. Правда, назадъ года съ два сватался Средне-Колымской Коммисаръ; но этотъ женихъ былъ нѣсколько старъ, т. е. лѣтъ около шестидесяти, и при томъ походилъ болѣе на моржа, нежели на человѣка. Не смотря на сіе, честолюбивая Анна Антоновна сильно было начала скло-

няться на сторону этого чиновнаго живописнаго; однакожъ Ольга рѣшительно сказала ей, что она лучше бросится въ море, нежели согласится за него выйти. Такимъ образомъ дѣло не сладилось, и пресловутому Коммисару было сказано, что Ольга еще молода, и что родители ея просятъ дать имъ года на два отсрочки, послѣ которой они пришлютъ рѣшительный отвѣтъ. Ольгѣ дѣйствительно было тогда не болѣе пятнадцати лѣтъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ отсрочки, Коммисаръ, по обыкновенію, попалъ подъ судъ, и былъ отрѣшенъ отъ должности. Паденіе его съ высоты Коммисарскаго престола, какъ само собою разумѣется, дало новое направленіе мыслямъ Анны Антоновны — и тогда жребій

Андрея рѣшился. Но если бы можно было, въ сіе время, заглянуть поглубже въ сердце этой честолюбивой старухи; то ясно бы было видно, что главнымъ побужденіемъ ея, при согласіи на бракъ Ольги съ сыномъ Судьбы, была та недоброжелательная мысль, что де и Елизавета не можетъ имѣть лучшаго жениха. Пріѣздъ и пребываніе Владиміра въ семействѣ Судьбы пробудилъ ея зависть и чванство. Подозрительными, злыми глазами она слѣдила всѣ поступки Елизаветы и Владиміра. Поведеніе ихъ было самое скромное, самое невинное, но каждое ихъ слово, каждый взглядъ были на счету Анны Антоновны. Наконецъ она рѣшила, что Владиміръ женится на Елизаветѣ, а я—говорила она съ глупою злобою — отдамъ дочь

свою за ссыльнаго! Нѣтъ, этому не бывать! Судьба хитеръ, да вѣдь и я, прости Господи, не въ лужѣ крещена!“

—Эхъ, Анна Антоновна!—говорилъ мужъ ея, стараясь смягчить ее своею скромностію—какъ тебѣ хочется затѣвать пустяки! Конечно, Андрей сынъ ссыльнаго; да вѣдь и Ольга не Графиня!

„Полно врать, сударь!—вскричала съ гнѣвомъ Анна Антоновна. — Если бы Ольга была не моя дочь: такъ выдавай бы ты ее за кого хочешь, а теперь я также имѣю голосъ!“

„Вижу, что имѣешь—съ горькою усмѣшкою отвѣчалъ Неволя, — но все

я скажу тебѣ, что изъ отказа твоего ничего не выйдетъ хорошаго, кромѣ того, что ты разстроишь меня съ моимъ старымъ другомъ. . ."

—Ужъ хорошъ другъ! Нечего сказать!—прервала съ злобою Анна Антоновна.—Вонъ вчера приходила ко мнѣ Юкагирка, да сказывала, что Судьба цѣлую ночь сидѣлъ наканунѣ отъѣзда Шалаурова, да писалъ письмо къ кому-то въ Петербургъ, вѣрно что о прощеніи, а тебѣ не сказалъ объ этомъ вѣдь до сихъ поръ ни слова: стало быть ему своя рубашка къ тѣлу ближе, а ты такъ, батюшка, готовъ распнуться за него. . .

„Можетъ быть Юкагирка говоритъ и не правду."

— Нѣтъ, правду, потому что я сама въ ту ночь видѣла у нихъ огонь почти до самаго утра.

,,Странно! Не понятно!—восклицалъ легковѣрный Неволя, ходя большими шагами по комнатѣ.—Я всегда былъ готовъ за нимъ въ огонь и воду лѣзть, а онъ такъ. . . .

Да ужъ лучше жены ты никогда не найдешь себѣ ни какого друга! Всѣ эти чужіе друзья ни дать, ни взять—водяные пузыри: пошелъ дождикъ—ихъ вскочитъ множество; прошелъ — и начнутъ одинъ за другимъ лопаться, а жена такъ. . .

,,Правда твоя, Анна Антоновна!—говорилъ убѣжденный и разстроган-

ный Неволя. — Жена первый другъ и въ горѣ и въ радости!“

Послушайся же ты моего совѣта! Коли они хитрятъ, почему же и намъ розѣвать ротъ? Вопервыхъ я совѣтовала бы тебѣ сблизиться покороче съ Владиміромъ. Его дѣло молодое; ему вскружили голову, а если его хорошенько познакомить съ Ольгою, итакъ авось либо дѣло то приметъ и другой оборотъ. . .

„Матушка! — прервала твердымъ голосомъ Ольга, бывшая до сего времени въ другой комнатѣ, однакожъ слышавшая весь означенный разговоръ — матушка! я вамъ скажу рѣшительно: не дѣлайте этого. Андрея я люблю болѣе самой себя, и никому,

кромѣ него, не отдамъ своей руки, скорѣе умру!“.

Я посмотрю, какъ ты не послушаешь меня — прервала съ гнѣвомъ Анна Антоновна Ты помни, что я мать, и что властна отдать тебя, за кого хочу. Если не за Владиміра, такъ выйдешь за Спиридона Ефремыча, а ужъ за Андреемъ тебѣ не бывать во вѣки вѣковъ!

Ольга не могла отвѣчать ни слова и, запершись въ своей комнатѣ, проплакала цѣлый день горькими слезами.

VI.

Со времени описаннаго въ предъидущей главѣ безразсуднаго и оскорбительнаго разговора, семейство Судьбы съ горестію стало замѣчать, что друзья его поступаютъ не по прежнему, страннымъ, неизъяснимымъ об-

разомъ. Перемѣна въ ихъ обращеніи началась съ того, что они стали рѣже и рѣже посѣщать своихъ единственныхъ сосѣдей. Бывало, Ольга почти не выходила отъ своей подруги, а тутъ едва разъ въ недѣлю завертывалась, и то на минуту, и при томъ видимо убѣгала бѣднаго Андрея, который прежде всѣхъ примѣтилъ несчастную перемѣну и больше всѣхъ былъ пораженъ ею. Куда дѣвалась прежняя его веселость? Ни какая работа не шла на умъ ему; ни какая охота не веселила его; ни море не могло разогнать его грусть своими могучими волнами, ни далекая пустыня не развѣвала ихъ своими буйными вихрями. Какъ, бывало, прежде веселилъ его, напримѣръ, прилетъ гусей! Съ какою радостію онъ смо-

тривалъ на ихъ волнистыя вереницы, и пересчитывалъ, бывало, ихъ вмѣстѣ съ Ольгою! а теперь . . . онъ и не взглянетъ на нихъ, какъ будто бы они уже перестали быть вѣстниками прекраснаго лѣта. Такъто все зависитъ отъ расположенія нашей души! Природа та же, какова была и прежде, да душа бѣднаго Андрея уже не та! Что ни станетъ онъ дѣлать, мысли его не ложатся къ дѣлу, и вѣчно кружатся около одного предмета — непостоянной, чудной, но вѣчно любезной Ольги. Куда ни задумаетъ онъ итти, ноги его невольно идутъ по одной тропинкѣ, ведущей туда, гдѣ заключено все счастіе его жизни. И между тѣмъ не горько ли было видѣть Андрею, что, въ то время, какъ Владиміра зазы-

ваютъ, просятъ, ласкаютъ, ему почти не скажутъ ласковаго слова? „Тутъ дѣло ясное!—говорилъ Андрей самъ съ собою.— Ольга полюбила Владиміра, а я сталъ ей немилъ! Безбожная! Невѣрная! Можно ли было этого ожидать отъ нея? Я ли не любилъ ее съ самаго дѣтства? Я ли не угождалъ ей? Я ли не былъ готовъ для нее на все, на самую смерть? . . . Забыла, измѣнница, какъ я спасъ ее, когда буря вдругъ застала насъ на морѣ, или когда она оборвалась съ этой горы, и я, едва держась самъ за камни, не побоялся подать ей руку. . . . Все это прошло! Все забыто! . . . Самъ я не понимаю, что со мною дѣлается? Во снѣ ли все это я вижу, или на яву? . . . Но если это не сонъ: то что будетъ въ моей

жизни? . . . У меня было въ ней одно только сокровище, и то потерялъ я!... Что же мѣшаетъ мнѣ скорѣе окончить свое несчастіе? . . . Какъ спокойно море! Какъ тихо мирно плещутъ волны!. . . Много ли надобно, чтобы избавиться отъ этой смертельной скорби?... Одно мгновеніе! . . "

Такимъ образомъ Андрей, оставленный Ольгою, доходилъ до отчаянія, а Ольга!... что дѣлала несчастная, милая Ольга? Не просушала почти глазъ, бѣдная, ни днемъ, ни ночью! Она боялась страшнаго матерняскаго проклятія: не смѣла взглянуть на Андрея, тѣмъ болѣе говорить съ нимъ; но мыслію, сердцемъ была съ нимъ неразлучна, объ немъ только думала, его только любила.., Боже мой! кто можетъ повелѣть серд-

цу другаго: *не люби*, когда мы и сами не властны надъ нимъ? . . . Но Ольгу особенно терзала та мысль, что Андрей, не зная чувствованій ея души, сочтетъ ее вѣтренною, непостоянною, и что любезная ея подруга, которую она такъ горячо любила всегда, такъ искренно уважала, нѣжная, умная Елизавета, можетъ также разлюбить ее и усомниться въ благородствѣ ея души. Мы видѣли изъ словъ Андрея, что опасеніе Ольги вразсужденіи его были справедливы; не могла равнымъ образомъ оставаться равнодушною и Елизавета: ибо какая дѣвушка, увидя, что любезный ея часто начнетъ посѣщать домъ ея подруги, а подруга эта начнетъ въ то же время какъ бы убѣгать отъ нея, не подумаетъ о ней и

Богъ вѣсть чего? Правда, она видѣла, что взоры Владиміра все также горѣли какимъ-то прекраснымъ, очаровательнымъ огнемъ, который такъ и льется прямо въ сердце; но что дѣлать? кто бывалъ влюбленъ, тотъ вѣрно знаетъ, что иногда и видишь—да не вѣришь!

Нужно ли говорить послѣ сего, что положеніе и Владиміра было не совсѣмъ пріятно. Въ одномъ домѣ его ласкали, но ласки были ему въ тягость, особенно, когда въ разговорахъ Анны Антоновны начали проскакивать разныя недомолвки и намѣки, изъ которыхъ онъ легко могъ догадаться о ея намѣреніи. Къ тому, нельзя было ему не примѣтить всегда заплаканныхъ глазъ Ольги и самой

сильной горести, написанной на ея внезапно—увядшемъ лицѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не трудно было заключить, что безпутная мать дѣйствовала противъ ея воли... Ахъ, какъ не сносны бываютъ подобныя покушенія, когда сердце уже сдѣлало свой выборъ! . . . Владимiръ не разъ почти рѣшался высказать напрямки Аннѣ Антоновнѣ свои чувства, и удерживался только почтеніемъ къ ея сѣдымъ волосамъ. Словомъ: въ гостяхъ у Анны Антоновны жалкой Владимiръ сидѣлъ точно на иголкахъ. Не ходилъ бы!— скажутъ. Нельзя было, потому что едва онъ высунетъ носъ изъ домика Судьбы, какъ неусыпная Анна Антоновна тутъ и есть: „пожалуйте, да пожалуйте!" Нечего дѣлать: и не радъ, да готовъ. Въ домикѣ Судьбы также на-

чинали посматривать на Владиміра не совсѣмъ искренно и какъ же было смотрѣть искренно на такого человѣка, съ появленіемъ котораго столько произошло перемѣнъ?

Варвара Степановна душевно сокрушалась о дѣтяхъ, и хотѣла было рѣшительно спросить Анну Антоновну: что за бѣсъ вдругъ вселился въ нее; но удерживалась совѣтами мужа, а умный Судьба, зная давно непостоянство своего друга и вздорной характеръ его жены, всего ожидалъ отъ времени и на частые ропоты Варвары Степановны отвѣчалъ почти всегда одинаково: „Погоди; время все исправитъ. Причина перемѣны ихъ понятна; пріѣдетъ Шалауровъ, и все пойдетъ по прежнему. Не для женидь-

бы сына пріѣхалъ онъ въ эту пустыню!“

Въ такомъ сомнительномъ положеніи оставался горизонтъ нашей маленькой республики, до самаго лѣта, т. е. до начала Іюня. Не было явной ссоры; не было и прежняго согласія, а съ нимъ отлетѣла и веселость и радость. Собирались пустынники, правда, временемъ и въ прежній семейный кружекъ, но только бесѣда ихъ болѣе походила на тризну по умершемъ, нежели на дружескую пирушку. Казалось, о чемъ бы тужить и сидѣть повѣся носъ? Солнце уже не только каждый день выходило, но и не пряталось болѣе за горизонтъ: круглые сутки смотри на него сколько хочешь! Нѣтъ, никто не смот-

рѣлъ. даже никто не говорилъ о немъ: не тѣмъ заняты были души!

Съ наступленіемъ Іюня начинаются въ Сѣверныхъ странахъ походы Оленей, которые въ сіе время изъ глубины дебрей обыкновенно пускаются величайшими стадами къ берегамъ Ледовитаго Океана. Сіи ежегодные походы этихъ полезныхъ животныхъ относятся также къ тѣмъ великимъ учрежденіямъ домовитой и мудрой природы, коими она благодѣтельствуетъ каждой уголокъ земли, дабы сдѣлать его способнымъ къ обитанію человѣка.

Приходъ Оленей есть самое благодатное время для полярныхъ жителей: ибо они мясомъ ихъ запаса-

ются тогда на круглой годъ. Это дѣлали ежегодно наши пустынники общими силами; и нынѣ положено было итти на рѣчку *Безымянную* [*], текшую недалеко отъ ихъ жилища.

Назначенный день, по счастію, былъ ясный, теплый, помнится, еще праздничный; но впрочемъ для нашихъ пустынниковъ былъ вѣчный праздникъ и вѣчные будни. Дни ихъ были совершенно похожи одинъ на другой: ни когда сладостный благовѣстъ не оглашалъ этихъ унылыхъ пустынь; толпы молельщиковъ не текли по его величественному зову. Праздникъ наступалъ и проходилъ подобно буднямъ.

(*) На картѣ ей имени не означено.

Путешествіе на рѣчку было совершенно пѣшкомъ: ибо она была не далѣе верстъ десяти отъ жилищъ. Оба семейства участвовали въ немъ, не исключая ни кого. Даже Ольга и Елизавета охотно шли, чтобы посмотрѣть на кровавое зрѣлище. Можетъ быть, въ настоящее время были и другія причины, побуждавшія ихъ участвовать въ путешествіи, а прежде дѣйствительно ихъ занимало и самое зрѣлище. „Самое зрѣлище?—скажете вы съ удивленіемъ.—Дѣвушекъ, столь милыхъ, столь нѣжныхъ, могла занимать кровавая картина битья Оленей?" Точно такъ, Милостивые Государи! Но развѣ Испанокъ, прелестнѣйшихъ дѣвъ цѣлаго свѣта, не занимаетъ бойня быковъ, или—что еще гораздо хуже—отвратительная смерть какого ни-

будь метадора, вздернутаго на рога?— Всякая страна имѣетъ свои причуды!

Рѣчка Безымянная была въ сіе время въ полноводіи, и разливалась на большое пространство. Берега ея вообще были довольно круты; въ одномъ же мѣстѣ было особенное возвышеніе, нависнувшее нѣсколько на воду: тутъ остановились путешественники. Юкагиры, съ ними бывшіе, и Андрей приготовили *вѣтки* и копья; прочіе остались зрителями. Цѣлой день почти прошелъ въ напрасномъ ожиданіи. Юкагиры просмотрѣли себѣ всѣ глаза; но не было ни малѣйшей примѣты появленія ожидаемыхъ пришельцевъ, и семейства думали уже отправиться обратно, какъ вдругъ,

часу въ десятомъ вечера, маленькое облачко засѣрѣлось вдали, на краю горизонта.

—Смотрите-ка, рабята — сказалъ Судьба Юнагирамъ—что это сѣрѣется? Не песокъ ли изъ подъ ногъ Оленей?,,

Да, да, бачка! — отвѣчали Юкагиры — что - то сильно запылило по пескамъ! Чуть ли это не Олени! . . . Такъ, они! Они и есть!— вскрикнули Юкагиры по нѣкоторомъ молчаніи.—Побѣжимъ-те, же други, поскорѣе къ вѣткамъ. . .

Пыльное облако, съ часа на часъ приближаясь болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ расширялось по пустынѣ. Спустя еще не много времени, можно было уже различать очертаніе движу-

щейся массы подъ навѣсомъ несшагося надъ нею облака. Потомъ масса стала дѣлиться, и легкія, благородныя формы прекраснѣйшаго животнаго начали обрисовываться на воздухѣ. Мирное, кроткое, но по наружности гордое и самоувѣренное, оно шло тихими шагами, не совращаясь съ предположеннаго пути ни какими посторонними силами; ни вѣтры, ни бури, ни горы, ни рѣки не въ состояніи были измѣнить прямой линіи, начертанной для него природою. Шагъ его равномѣрный и тихій долго не измѣнялся; но вдругъ, на дальномъ краю, облако поднялось выше: началось какое-то смятеніе; задніе ряды начали тѣснить передніе, и все безчисленное стадо, закинувъ на спину вѣтвистые рога, бросилось въ

скакъ, которому, кромѣ полета птицъ, едва ли можетъ что уподобиться въ быстротѣ не постижимой. Глухой гулъ пошелъ по долинѣ отъ усилившагося топота, и воздухъ наполнился нестройнымъ крикомъ, всегда извѣщающимъ о нападеніи врага. Несясь, какъ вихрь пустынный, какъ дыханіе бури, стадо приближалось съ каждымъ мгновеніемъ, и наконецъ передовый бросился въ рѣку, а за нимъ и всѣ прочіе начали скакать съ крутаго берега, какъ бы не видя, что новые враги, несравненно лютѣйшіе прежнихъ, поражали ихъ товарищей безъ пощады. Бѣдные слѣпцы, рабы инстинкта, сами попадали на копья; число пускавшихся въ рѣку рѣдѣло съ минуты на минуту, но число бросавшихся въ нее

не уменьшалось, и съ шумомъ расплескивавшаяся рѣка, багровѣя болѣе и болѣе, наконецъ потекла совершенною кровью. Многіе не перешли чрезъ нее, но еще большее число перешло, и снова пустилось въ таинственный путь. Когда же послѣдній олень бросился съ берега: то почти въ слѣдъ за нимъ прибѣжало къ рѣкѣ чудовище, съ окровавленною мордою и раскаленными глазами. Ни Русскіе, ни Юнагиры никогда не видывали подобнаго, и послѣдніе скорѣе могли почесть его за злаго духа; только Судьба могъ объяснить, что невиданный звѣрь былъ барсъ [*]. Остановившись на крутоярѣ, Барсъ кипѣлъ злобою,

(*) Барсы забѣгаютъ въ Сибирь изъ за границъ Китая, и не рѣдко пробираются въ самыя Сѣверныя страны.

и выставя ряды страшныхъ зубовъ, казалось, готовъ былъ соскочить въ рѣку для новой битвы. Юкагиры оробѣли и вышли на землю; одинъ Андрей вооруженный винтовкою, проворно зарядилъ ее, и—не дорожа ли жизнію, уже опостылѣвшею для него, или желая пробудить жалость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любовъ въ сердцѣ, по мнѣнію его, охладѣвшей къ нему Ольги — Андрей смѣло подъѣхалъ къ крутояру, гдѣ стоялъ разъяренный звѣрь. Онъ направилъ въ него ружье. Смотрѣвшіе съ берега притаили дыханіе, и съ величайшимъ страхомъ ожидали послѣдствій выстрѣла. Ольга и Елизавета были почти внѣ себя: не смотря на запрещеніе Судьбы ставать на подмытый водою берегъ, они прибѣжали на самый край его. Выстрѣлъ

грянулъ; звѣрь издалъ ревъ, раздавшійся по пустынѣ; страшный прыжекъ означалъ, что пуля поразила его; но ударъ не былъ еще рѣшителенъ, и ужасное чудовище, приставъ на заднія лапы, готово было броситься съ яру на вѣтку Андрея, безстрашно заряжавшаго между тѣмъ свое ружье. „Воротись, воротись, ради Бога!" — вскричала Ольга вмѣстѣ съ Елизаветою, забывъ и проклятіе матери и гнѣвъ отца; забывъ все окружающее, кромѣ жизни Андрея, которая сливалась съ ея собственнымъ бытіемъ. Слышалъ ли Андрей этотъ знакомый, этотъ милый, давно не слышанный имъ голосъ сердца — не знаю. Еще разъ раздался выстрѣлъ; но въ сіе мгновеніе звѣрь летѣлъ уже надъ вѣткою Андрея съ

разверстою пастію съ высоты яра, и Ольга упала безъ памяти на землю. Съ паденіемъ ея берегъ обрушился, и обѣ подруги, скрывшись въ кипѣніи полноводной рѣки, едва показались чрезъ нѣсколько секундъ. Сохранялась ли въ нихъ жизнь, не было замѣтно; только виднѣлось платье и судорожное всплескиваніе членовъ. Всѣ бывшіе на берегѣ пришли въ страшное смятеніе. Варвара Степановна сдѣлалась почти безъ чувствъ; Анна Антоновна едва не бросилась сама въ рѣку, и едва Судьба, сохранявшій болѣе всѣхъ присутствіе духа, могъ удержать ее; Неволя суетился, какъ помѣшанный, а Владиміръ, бѣжавшій въ безпамятствѣ по берегу за уносимою волнами Елизаветою, наконецъ кинулся къ ней на помощь, и

не умѣя плавать, самъ началъ тонуть вмѣстѣ съ нею. Погибель ихъ была почти неизбѣжна: ибо хотя бывшіе на берегѣ Юкагиры и бросились, по крику Судьбы, за ними на своихъ вѣткахъ; но по, необыкновенной вертлявости сихъ берестяныхъ челноковъ, весьма трудно, почти не возможно было оказать помощь. Одинъ Андрей, сильный, проворный и отважный до отчаянія, одинъ Андрей, одушевляемый небесной силою пламенной страсти, могъ сдѣлать сіе чудо. Услышавъ позади себя крикъ и смятеніе, онъ оставилъ звѣря, добитаго имъ при паденіи въ рѣку, и мгновенно сообразивъ видимое, кинулся за утопающими. Почти ему исключительно они обязаны были своимъ спасеніемъ. Послѣ же сего должно ли обвинять пла-

меннаго юношу, что Ольга, драгоцѣнная Ольга, была предметомъ его особенныхъ стараній? Долго смерть боролась съ жизнію въ ея сердцѣ; наконецъ почти не оставалось ни малѣйшей надежды. „Ахъ Ольга, милая Ольга! — вопилъ отчаянный Андрей съ неизъяснимою горестію — неужели тебя не будетъ болѣе? Нѣтъ! живи, хотя не для меня, но все живи!“ Ольга, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы услышала этотъ сладкій призывъ: внезапный румянецъ заигралъ на ея блѣдныхъ щекахъ, и вскорѣ послѣ сего она открыла глаза. Нѣсколько времени она смотрѣла неподвижно на Андрея, не вѣря своему зрѣнію, и наконецъ спросила его самымъ слабымъ голосомъ:

„Ты ли это, Андрей?“

— Я, я, милая Ольга!

„Такъ ты живъ еще?

— Живъ . . . . .

„О мой милый! О мой любезный!“ . . .

Она крѣпко обвила руками шею своего прежняго друга и жениха, и уста ихъ слились вмѣстѣ. Никто, ни сама Анна Антоновна, не смѣли отнять у Андрея его драгоцѣнную ношу, и разорвать этотъ чистый, небесный поцѣлуй. Есть минуты въ жизни, когда умолкаетъ все презрѣнное, все низкое земли, и владычествуетъ одна святая любовь!

Вскорѣ были приведены въ чувство и Елизавета и Владиміръ, и первыя слова сего послѣдняго были: „Спасена ли она?"

—Кто? кто?—съ торопливостію спросила незабывавшая хлопотать около него Анна Антоновна.

„Боже мой, кто! Елизавета!"

Безумная старуха со злобою отскочила отъ Владиміра, какъ обозженная змѣя, и, выхвативъ Ольгу изъ рукъ Андрея, сказала съ запальчивостію ей и мужу: „Пойдемте; нечего здѣсь болѣе мѣшкать! Развѣ дождаться, чтобы еще кого нибудь Нечистый бросилъ въ этотъ омутъ?" . . .

— Возьми ее—сказалъ Андрей съ чувствомъ собственнаго достоинства; — но знай, что ты невластна отнять у меня того сердца, которое любило меня съ дѣтства!

Ольга, вырываясь изъ объятій Андрея, залилась слезами, и съ какимъ-то глубокимъ предчувствіемъ произнесла: „Прости, другъ, прости на вѣки!“

Андрей долго смотрѣлъ въ слѣдъ отходящаго семейства, и наконецъ сказалъ: „Теперь вижу, покрайней мѣрѣ, что она меня любитъ. Не получу ее — умру, но умру съ этою сладостною мыслію!“

Родители Андрея радовались спа-

сенію дочери; не безъ внутренняго удовольствія смотрѣли и на любовь къ ней Владиміра, толь сильно обнаруженную: но еще съ большею горестію видѣли положеніе Андрея. Варвара Степановна утѣшала его, сама слезно рыдая, а Судьба, стараясь сохранить присутствіе духа, говорилъ сыну: „ Не надобно упадать душею. Горести въ жизни неизбѣжны. Положись на время: оно если не излечитъ ранъ, по крайней мѣрѣ облегчитъ страданіе. “

Не смотря на сіе наружное равнодушіе, старикъ начиналъ, однакожъ, изнемогать подъ тяжестію горести, и, идучи въ обратный путь, часто, какъ бы противъ воли, повторялъ съ тяжелымъ вздохомъ: „ Никогда моя

ссылка не была мнѣ такъ тяжела, какъ теперь. Проклятая злоба людей! ты всего ядовитѣе на свѣтѣ!“

Такимъ образомъ оба семейства оставили рѣчку Безымянную. Въ слѣдъ за ними отправились и Юкагиры съ годовымъ запасомъ оленьяго мяса. Пустыня опять замолкла; только единообразный шумъ рѣки нарушалъ ея безмолвіе: это кипѣло время посреди вѣчности, и какъ бы изъ глубины ея глядѣлъ испытующимъ взоромъ таинственный мамонтъ, до половины выставившійся изъ обвалившагося берега.

VII.

По приходѣ домой, Анна Антоновна не хотѣла уже болѣе медлить своими распоряженіями вразсужденіи бѣдной Ольги: ибо, въ самомъ дѣлѣ, какихъ же было ждать ей еще доказательствъ въ любви Владиміра къ

Елизаветѣ, послѣ всего ею видѣннаго и слышаннаго? Неволя долженъ былъ тотчасъ послать письмо съ нарочнымъ къ бывшему Коммисару съ объявленіемъ согласія на его лестное предложеніе. Никто, вѣроятно, не перенесъ бы съ большею твердостію, какъ Андрей, обиднаго и безумнаго отказа.

—Я ждалъ этого—говорилъ онъ отцу.—Дѣлать нечего! Такъ угодно Богу!

„И ты не въ отчаяніи?"

— Нѣтъ! я предаюсь волѣ Того, отъ Котораго все зависитъ! . . .

„Прекрасно! Обними меня, другъ мой! — сказалъ со слезами на глазахъ Судьба. — Теперь я вижу, что мои

слова не пропали попусту, и что сердце твое способно къ возвышеннымъ чувствованіямъ. Такъ, другъ мой, всегда на Него полагайся [Судьба указалъ рукою на небо]: Онъ знаетъ, куда ведетъ насъ!"

—Но, батюшка! я хочу просить Васъ. . .

„О чемъ, другъ мой?"

—Я перенесу потерю Ольги, сколь сія потеря ни тяжка для меня; но я не могу болѣе здѣсь оставаться. . .

„Ахъ, Господи!—воскликнула, Варвара Степанова — что ты это говоришь, мой ангелъ? Неужели ты хочешь бросить насъ съ отцемъ на

старости лѣтъ? Да я и дня не проживу безъ тебя. . . .“

—Я не брошу Васъ, матушка, потому что вы одни только привязываете меня къ землѣ; но пожалѣйте и меня: могу ли я каждый день видѣть Ольгу, и каждый день, или лучше сказать: каждую минуту, каждое мгновеніе, терзаться тою мыслію, что она уже не моя? Нѣтъ! мнѣ необходимо надобно удалиться отсюда, если жизнь моя еще нужна для вашего счастія!

„Но куда же ты можешь удалиться?—спросилъ Судьба.—Это нашъ гробъ, и только труба Ангела можетъ отсюда насъ вызвать! “

— Вотъ владѣніе Божіе! — отвѣ-

чалъ съ восторженною душою Андрей, показывая на море. — Тамъ нѣтъ рубежей для преграды несчастному; тамъ никто не можетъ воспретить мнѣ вкусить сладкую отраду свободы!... Ахъ! не останавливайте меня; дайте свободу моей душѣ: ей душно на землѣ, на этой землѣ, гдѣ столько горести, столько бѣдъ! . . . . . [Слезы побѣжали изъ глазъ Андрея.]

Старики плакали вмѣстѣ съ нимъ; но не могли отказать въ его просьбѣ: ѣхать съ Шалауровымъ: ибо чувствовали сами, что для него было тяжко оставаться вблизи Ольги.

Андрей съ нетерпѣніемъ ждалъ, скоро ли придетъ судно Шалаурова, и для этого всякой почти день хо-

дилъ съ Владиміромъ и Елизаветою на Барановъ камень.

По объясненіи политической системы Анны Антоновны, Владиміръ наслаждался величайшимъ блаженствомъ, какое только можетъ быть на землѣ: полною любовію милаго существа и вѣрною надеждою обладать имъ; ибо сомнѣнія, возмущавшія его спокойствіе, изчезли въ душѣ Елизаветы, и родители ея, на сдѣланное со стороны Владиміра предложеніе, хотя не дали ни какого рѣшительнаго отвѣта до пріѣзда Шалаурова, но не изъявили и явнаго нежеланія. . . . Ахъ! это время—время любви сладостной, мечтательной, небесной; ни на минуту не останавливающейся въ настоящемъ, но парящей безпрестанно за надежда-

ми, за упованіями въ будущемъ, столь прекрасномъ, столь обольстительномъ—это время есть . . . но что говорю я: есть? . . . Для опредѣленія этого времени еще не придумано словъ на языкѣ человѣческомъ! Краткое, мимолетное, мгновенное—оно составляетъ между тѣмъ нашу жизнь: ибо за предѣлами его человѣкъ уже не живетъ, но, подобно усталому путешественнику, тащится по необходимости, чтобы гдѣ нибудь сложить свою ношу. Можетъ быть, любовь земная есть мерцаніе той божественной любви, которая нѣкогда приметъ и насъ на свое лоно; точно также, какъ и свѣтъ здѣшній есть только мерцаніе вѣчнаго свѣта, истекающаго отъ Отца свѣтовъ!

Владиміръ и Елизавета, оба нѣжные, оба мечтательные, не жили на землѣ; души ихъ летѣли туда, куда катились синія волны, куда улетали вѣтры, и гдѣ звѣзды странствовали по вѣчному океану. Любовь и поэзія неразлучны: блаженство любви есть игра мечты. Какими прекрасными красками она разрисовывала будущее для нашихъ юныхъ любовниковъ! Какъ очаровательну представляла она жизнь — исполненную восторговъ, радостей, счастія! Какъ все устроивалось впереди по желанію, по требованію ихъ души, жаждавшей блаженства и любви!

Однажды, утопая въ счастіи и летая за подобными мечтами, любовники вдругъ были остановлены го-

лосомъ Андрея, съ дикою радостію вскричавшимъ: „Корабль! Корабль!“ Холодъ пробѣжалъ по ихъ жиламъ; очарованіе изчезло: ибо представилась душѣ разлука — мучительная и грозная.

„И такъ—сказала Елизавета, едва удерживая слезы — мы должны скоро распаться! . . “

— Съ тѣмъ, чтобы увидившись потомъ, уже не раставаться болѣе.

„Но если мы болѣе уже не увидимся?

—Для чего жъ, мой другъ, отчаяваться? Отецъ мой много лѣтъ знакомъ

съ моремъ и умѣетъ отвратить опасность. . .

„Дай Богъ, чтобы такъ было! Но я сама не знаю, отъ чего сердце такъ трепещетъ во мнѣ; кажется, каждый шагъ этого корабля приближаетъ мою погибель. . .

— Это малодушіе, слабость. . .

„Знаю, что слабость; но холодъ невольно льется по жиламъ; сердце замираетъ. . .

— Успокойся, милая! Надѣйся на Бога. . .

„О Боже! пошли спокойствіе моей душѣ, и не дай, чтобы эта ужасная

боязнь была печальнымъ предчувствіемъ моего сердца! . . . Ахъ, милый Владиміръ! Если ты не возвратишься — я не переживу этого! Я чувствую, я вижу, что безъ тебя жить не могу: не будетъ тебя—и меня не будетъ на землѣ! "

—О мой милый Ангелъ!—воскликнулъ Владиміръ, заключивши Елизавету въ свои объятія.

Бѣдный и добрый Андрей радовался счастію своей сестры; но не могъ быть веселымъ зрителемъ описанной сцены: ибо она вдругъ разшевелила смертелныя раны его сердца. Горько рыдая, онъ началъ спускаться съ горы. Въ слѣдъ за нимъ поспѣшилъ и Владиміръ, потому что

корабль уже приближался къ берегу.

Свиданіе Шалаурова съ сыномъ было трогательно: ибо, какъ мы сказали уже выше, онъ любилъ его горячо. По той же причинѣ Шалауровъ ни сколько не препятствовалъ намѣренію Владиміра жениться на Елизаветѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ полюбилъ ее и при томъ душевно уважалъ ея отца.

Раздѣляя съ искреннимъ участіемъ горесть Судьбы и жены его о несчастіи Андрея, Шалауровъ, хотѣлъ было уговорить Анну Антоновну; но *сладить съ дуракомъ, скажите, кто умѣлъ?* [*]. Анна Антоновна такой подняла крикъ, что даже, гово-

(*) Панкратій Сумароковъ.

ряшъ, гуси, плававшіе около берега, спорхнули на воздухъ; тюлени побросались въ море, и кипъ, кинувшись со страха отъ берега, разшибъ на бѣгу ледяную гору. Послѣдняго не выдаемъ за истину.

Насталъ наконецъ день отъѣзда. Елизавета, по тайному ли предчувствію сердца, или по обычному дѣйствію пламенной страсти, была почти въ отчаяніи и долго, долго нехотѣла выпустить Владиміра изъ своихъ объятій. Владиміръ также былъ въ величайшей горести, и также не хотѣлъ, казалось, оторваться отъ любящаго сердца. Тяжко было и родителямъ разлучать ихъ, а бѣдный Андрей! . . . Ахъ! его положеніе было еще трогательнѣе! Одинокой, печаль-

ной, онъ напрасно бродилъ около хижины своей любезной: никто не сказалъ ему дружескаго прости; никто, даже знакомъ, не изъявилъ ему сердечнаго участія. Жестокосердая Анна Антоновна сама наблюдала въ это время за Ольгою. . . О какъ бываютъ злы старые люди къ молодымъ любовникамъ! Что ни говорите, а эта злость не есть одно дѣйствіе зависти, но самый мудреный инстинктъ природы! . . . Долго ожидалъ Андрей, не взглянетъ ли Ольга въ окошко; хотя не мелькнетъ ли передъ нимъ: ожиданія его были напрасны! Наконецъ кровь закипѣла въ немъ; душа возмутилась —и онъ рѣшился проститься съ Ольгою во что бы то ни стало. Приходъ его поразилъ изумленіемъ семейство Неволи. Ольга, сидѣвшая въ горести и въ

безмолвіи, не повѣрила своимъ глазамъ, и вздрогнувъ осталась въ состояніи смятенія; Неволя, любя страстно дочь, совершенно растерялся въ сію минуту; даже сама Анна Антоновна, встревоженная неожиданнымъ явленіемъ Андрея, не могла въ скорости собраться съ духомъ. Между тѣмъ Андрей, не обращая вниманія ни на Неволю, ни на его жену, съ благородною твердостію, подошелъ къ Ольгѣ, и взявъ ея руку, сказалъ: „Я пришелъ съ тобой проститься. Тебя отнимаютъ у меня—и я не могу долѣе оставаться въ этомъ мѣстѣ; сердце говоритъ мнѣ, что я уже не возвращусь сюда: прощай же, другъ мой, прощай навсегда!"

Ольга не могла ничего сказать:

отчаяніе изсушило ея слезы; сердце ея замерло; языкъ не произносилъ ни какого звука. Андрей запечатлѣлъ на ея губахъ прощальный поцѣлуй. Не будучи въ силахъ ни противиться ему, ни раздѣлять его чувствованій, полумертвая Ольга могла только сказать: „Боже! что со мною?—и упала безъ чувствъ. Андрей, смятенный, отчаянный, машинально опустилъ ее на лавку, и выбѣжалъ изъ хижины. Корабль уже ожидалъ его.

Прощаясь съ родителями, Андрей не помнилъ себя; только горячія слезы матери могли облегчить его тяжкую горесть. Прижавшись къ ея груди, онъ зарыдалъ горько: это рыданіе было ужасно; вопль его раздиралъ душу самыхъ нечувствительныхъ зрителей.... Да, лю-

бовь между дѣтьми и родителями есть священный узелъ природы, вѣчно неразрѣшимый, вѣчно крѣпкій;союзъ, остающійся неприкосновеннымъ и въ то время, когда разрываются всѣ прочія привязанности; свѣтлый фаросъ во дни бурь и бѣдствій; тихое прибѣжище для сердца, жаждущаго успокоенія! Только на груди матери можемъ мы найти любовь, никогда не измѣняющуюся, чистую, какъ небо; и животворную, какъ солнце. Если мать плачетъ, кто не повѣритъ искренности ея слезъ? Жалокъ тотъ, кто не могъ, и горе тому, кто не умѣлъ пользоваться ея любовію!

На лонѣ матери душа Андрея успокоилась. Прощаніе ихъ было безмолвно: сердце, а не языкъ произнесло ему блогословіе.

Ударилъ попутный вѣтръ; корабль поднялъ паруса, и быстро понесся на встрѣчу льдамъ. Долго смотрѣли мать на сына, невѣста на жениха. Скоро милые лики стали мѣшаться съ синевою воздуха, и только лебединыя крылья корабля бѣлѣли, подъ конецъ, въ отдаленности моря.

VIII.

Какъ быстро течетъ время! Все кажется мнѣ, что я еще не начиналъ жить, а могу уже считать минувшіе годы десятками! Напримѣръ: будто теперь вижу еще предъ глазами, а между тѣмъ прошло уже мно-

*

го, много лѣтъ, какъ, бывало, сидя на теплой лежанкѣ, мой покойный дѣдъ, восьмидесятилѣтней, слѣпой старикъ, разсказывалъ мнѣ по вечерамъ похожденія своей молодости. Не важной, не богатой былъ онъ человѣкъ; не болѣе, какъ бѣдный Штурманъ на Охотскомъ морѣ; но, обращаясь назадъ при концѣ жизни, и незначащій Штурманъ съ тѣмъ же то сладкимъ, то горькимъ чувствованіемъ кидаетъ взоръ на минувшія событія, какъ и величайшій изъ Царей. Впрочемъ, чья же жизнь можетъ быть болѣе исполнена разныхъ приключеній, если не жильца самой непостоянной, и, подлинно сказать, вѣтренной стихіи? Не безъ хлопотъ однако жъ было у моего дѣда и на сушѣ. Для увѣренія довольно, кажется, сказать толь-

ко объ одномъ слѣдующемъ случаѣ. Однажды былъ онъ командированъ изъ Охотска въ Петербургъ, и едва только пріѣхалъ туда, проѣхавъ не тысячу, не двѣ, но *десять тысячъ* верстъ, какъ чрезъ недѣлю долженъ былъ снова ѣхать въ Нижне-Колымскъ, для отправленія съ Шалауровымъ. Двумя только днями опоздалъ онъ, и—Шалауровъ былъ уже въ морѣ: эти два дня сохранили ему нѣсколько десятковъ жизни, а иначе онъ не могъ бы уже, сидя на лежанкѣ, какъ я сказалъ, повѣствовать мнѣ о томъ, что хочу я разсказать въ этой главѣ.

Не одинъ разъ, по распоряженію Правительства, былъ отыскиваемъ путь къ Востоку отъ устья Колымы, по слѣдамъ Козака Дешнева; но,

по неизъяснимой причинѣ, причудливое море, пропустивъ сего удальца между своихъ вѣчныхъ льдовъ, потомъ затворило ходъ, и отважный мореплаватель не могъ болѣе проникнуть въ его неизмѣримыя полости. Шалаурова не остановилъ опытъ прежнихъ лѣтъ. Влекомый, безъ всякаго посторонняго побужденія, однимъ своимъ безпокойнымъ геніемъ, чудный купецъ рѣшился привесть въ исполненіе то, чего не могло сдѣлать само Правительство при всѣхъ своихъ безчисленныхъ средствахъ. Дорого заплатилъ бѣднякъ за сію благородную отважность; но подобныя души, и при всѣхъ своихъ несчастіяхъ, являются въ дали временъ, какъ прекрасные свѣтильники, освѣщающіе унылую темноту обыкновенной жизни!-

Около недѣли плаваніе Шалаурова было удачно; льды хотя и встрѣчались, но не заграждали пути, и осторожный пловецъ пробирался между ними безъ особенной опасности. Чѣмъ же далѣе корабль проходилъ къ Востоку, тѣмъ болѣе требовалось и бдительности и усилій: ибо льды увеличивались съ каждымъ днемъ; разливались непроницаемые туманы, и по ночамъ начинали леденѣть мачты и снасти, хотя былъ еще Іюль мѣсяцъ. Многіе изъ опытныхъ матросовъ совѣтывали Шалаурову возвратиться назадъ, справедливо представляя, что зима можетъ внезапно застать и заморозить корабль среди моря; но предпріимчивой, можно сказать, даже страстный къ своему предпріятію чудакъ не могъ примирить-

ся съ мыслію о не успѣхѣ; душа его не была въ силахъ покориться мучительной необходимости, и, не смотря ни на что, отважный не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія. Вскорѣ, однакожъ, опытная предусмотрительность сказаннаго совѣта начала оправдываться. Едва прошло послѣ сего дня два, какъ корабль почти пересталъ подвигаться впередъ: льды его окружили со всѣхъ сторонъ, и надлежало заботиться уже не о путешествіи, но только о сохраненіи корабля.

Въ одинъ день, въ концѣ Іюля, съ ранняго утра покрылся корабль страшнымъ туманомъ: не стало видно ни неба, ни моря; самые верхи мачтъ изчезли въ дыму, и на самомъ

близкомъ разстояніи едва могли плаватели узнавать другъ друга. Ни какими средствами не льзя было угадать, что ожидало впереди несчастный корабль. Одинъ, посреди океана, покрытаго мглою безъ малѣйшей надежды на чуждую помощь, невольникъ вѣтра и волнъ, онъ казалось, чувствовалъ свое ужасное положеніе: крѣпкіе члены его стонали, переваливаясь чрезъ волны, и сей унылый, единообразный стонъ, посреди глубокой тишины туманнаго океана, наводилъ невольный трепетъ на самыя твердыя сердца.... И вдругъ страшный шумъ, подобный ропоту неизмѣримыхъ лѣсовъ, поразилъ слухъ мореплавателей. Безполезное смятеніе распространилось на кораблѣ, но ни какой мѣры придумать было не-

возможно. Ужасный гулъ приближающихся льдовъ становился сильнѣе и сильнѣе. Самые отважные плаватели устрашились: ибо шла смерть, неодолимая ни какими человѣческими силами. Скоро громады льда обстали корабль отвсюда. Въ какую сторону ни оборачивала его искусная рука кормчаго, опасность вездѣ была одинакова. Льдины, какъ грозные непріятели, напирали на корабль, и, вѣрно, раздавили бы его, какъ щепку, своею страшною массою, если бы, по счастію, вѣтръ не подулъ съ другой стороны. Обрадованные мореходцы воспользовались со всѣмъ искуствомъ сею счастливою перемѣною, и успѣли пробратся къ берегу; но положеніе ихъ не сдѣлалося отъ сего безопаснѣе. Около береговъ море было запружено мно-

жествомъ мелкаго льда. Новымъ вѣтромъ понесло его въ море, а съ нимъ и корабль потащило отъ берега, сорвавъ съ якорей, и не смотря на всѣ усилія отчаянныхъ пловцовъ. Дѣйствію вѣтра способствовало и теченіе моря: корабль стремился какъ бы по не преложному мановенію лютаго рока, и ни что не могло удержать его въ этомъ гибельномъ стремленіи. Опять страшныя громады начали тѣсниться около бѣдной жертвы; ни мольбы, ни усилія, ни люди, ни Провидѣніе, не помогали противъ чудныхъ враговъ. Смятеніе, вопли отчаянія и крики неустрашимости раздавались на кораблѣ, а не умолимая судьба продолжало свое дѣло: грозные льды стѣснялись болѣе и болѣе, и наконецъ отвсюда окружили бѣдныхъ пловцовъ.

За гибельнымъ днемъ послѣдовала еще гибельнѣйшая ночь: морозъ скрѣпилъ поверхность моря, и льды, какъ бы заключивъ между собою адской союзъ, стали неподвижно вокругъ корабля, и, казалось, съ презрѣніемъ смотрѣли на его тщетныя усилія. Ни какая человѣческая воля не могла подвинуть его ни на одну пядень, и столько же было невозможно, бросивъ его на жертву, выйти изъ этой льдистой могилы: ибо льды стояли страшными скалами, въ двадцать разъ превышавшими самую большую мачту.

Извѣстно, что надежда не вдругъ погасаетъ въ сердцѣ несчастливца: подобно гаснущему свѣтильнику, она то меркнетъ, то снова вспыхиваетъ, пока не оставитъ сердца въ смерт-

номъ мракѣ отчаянія. Такъ и наши странники не видѣли спасенія, но жили нѣсколько дней надеждою: авось подуетъ добрый вѣтеръ, и ледяныя горы раздадутся въ сторону — говорили они, утѣшая другъ друга. Но вѣтеръ желанный не приходилъ, и горы стояли по прежнему, и съ каждымъ днемъ надежда потухала въ самыхъ отважныхъ сердцахъ! Были, однакожъ, часы, когда смертельная тоска, терзавшая ихъ, отлетала: это было время сна, или, лучше сказать, забвенія утомленной природы. Въ сіи волшебные часы обольстительныя видѣнія — игра ли благодательнаго генія, или дѣйствіе злобнаго духа — переносили души страдальцовъ въ лучшія страны, гдѣ жили ихъ друзья, родные, гдѣ скрывалось

все милое сердцу. Владиміръ видѣлъ свою Елизавету, страстно прижимающуюся къ его груди; Андрей жилъ со своею милою Ольгою въ лѣтахъ дѣтства; Шалауровъ черпилъ новые планы, новые проэкты, лестные для его славолюбивой души; послѣдній изъ матрозовъ видѣлъ то, что для него мило и драгоцѣнно — или своего отца, или мать, или жену, или дѣтей, или братьевъ. Вѣроломный сонъ леталъ, какъ жестокосердый чародѣй, надъ спящимъ кораблемъ, и усугублялъ ужасъ пробужденія. Можно ли описать, съ какимъ смертнымъ трепетомъ вырывались души изъ родныхъ, сладостныхъ, хотя и мечтательныхъ объятій, чтобы вдругъ вспомнить гибельную существенность?

Наконецъ надежда изчезла, и новое лютѣйшее зло начало угрожать пловцамъ: голодъ. Напрасно Шалауровъ старался уменьшить порціи: вмѣсто полной, выдавали сперва половину, потомъ четверть; но это только продолжило бѣду на нѣсколько лишнихъ дней, а не отвратило ее. Все, что можно было употребить въ пищу — все было употреблено; самыя необходимыя вещи, но сколько нибудь способныя для утоленія страшной алчбы, были истреблены и пожраны; насталъ, наконецъ, гибельной день совершеннаго голода. . . О! лучше бы не раждался онъ изъ вѣчности, и легче было бы, если бъ вѣчная ночь покрыла бѣдныхъ мучениковъ! . . . Блѣдные, какъ тѣни, они бродили безъ самопознанія, безъ размышленія; одна

мысль, одно желаніе, какъ черная точка, посреди мглы, заключалась въ душѣ: это было желаніе смертельное, пожирающее и неудовлетворимое — желаніе облегчить голодъ. Дѣйствіе его на души было адское: въ нихъ изчезло все прекрасное, все небесное, все, чѣмъ возвышается человѣкъ надъ прочими тварями, его окружающими. Нравственное зданіе рухнуло подъ гнетомъ бѣды, и если бы въ сію минуту могъ быть здѣсь хладнокровный мыслитель: для него развернулась бы новая цѣль неразрѣшимыхъ вопросовъ. Страшные переходы чувствованій мрачныхъ, какъ адская ночь, и злобныхъ, какъ мать, пожирающая дѣтей, обозначались на сверкающихъ глазахъ приходившихъ въ изступленіе и бѣшенство страдальцевъ. Ужа-

сны были ихъ взоры, кидаемые другъ на друга, и адскія слова появлялись невольно на помертвѣлыхъ устахъ. Не много было такихъ кои сохранили еще святую силу души: Шалауровъ, Владимiръ, Андрей, еще два три человѣка, отличавшiеся прежде хотя и не глубокою, но ревностною вѣрою; прочiе рѣшительно превратились въ звѣрей—кровожадныхъ звѣрей, готовыхъ каждую минуту растерзать другъ друга.

— Не доколѣ намъ мучиться!—говорили съ неистовствомъ сiи несчастные, приступивъ къ Шалаурову.—Хотимъ мы бросить жребiй: кому выпадетъ, тотъ и будетъ намъ ѣдою. И ты, и сынъ твой, и сынъ Судьбы, всѣ должны итти на жребiй,

другіе не болѣе виноваты, и если сказать правду: такъ ты всему злу причиною; съ тебя бы перваго начать надобно! . . . .

„И начните съ меня!—отвѣчалъ съ твердостію Шалауровъ.—Точно я одинъ виновникъ вашей погибели: я первый и пасть долженъ!

—Никогда не допущу я до того!—воскликнулъ Владиміръ, отодвигая рукою бѣшенную толпу.—Если вы хотите утолить проклятою пищею вамъ звѣрской голодъ: рѣжьте меня; я готовъ!

„Нѣтъ, ни ты, ни онъ, но я долженъ умереть первый!—вскричалъ Андрей.—Если Провидѣніе спасетъ

васъ отъ гибели: будь, Вадимiръ, сыномъ моего отца; утѣшай его на старости; замѣни для матери моей потерю бѣднаго ея сына! . . .

—О милыя дѣти!—прервалъ Шалауръ, заливаясь слезами и прижавъ ихъ обоихъ къ своей груди — я, несчастный, погубилъ васъ: дайте мнѣ умереть за всѣхъ. . . умереть и за тебя, мое Отечество, которое я такъ любилъ, такъ безумно любилъ! . .

„ Никогда, никогда не будетъ этого!—воскликнули въ одинъ голосъ Владимiръ и Андрей.—Или мы всѣ трое погибнемъ, или вы будете жить! . . .

— Подумайте, братцы — сказалъ намъ знакомый матросъ своимъ то-

варищамъ—что вы хотите дѣлать: продать душу дьяволу! По мнѣ лучше погибнуть Христіаниномъ, нежели жить бусурманомъ! Хоть бы и удалось еще спастись вамъ: то все же много ли приведется пожить на здѣшнемъ свѣтѣ, а съ того-то, братцы, поворота назадъ ужъ нѣтъ: куда угодилъ, тамъ и будешь сидѣть во вѣки вѣковъ! Подумайте; не губите душъ своихъ!

„Такъ что же намъ дѣлать?

— Когда Богъ судилъ намъ умереть—умремъ Христіанами, какъ подобаетъ Русскому человѣку!

—Обними меня, умный и добрый

Степанъ! — воскликнулъ Шалауровъ. — Теперь только я узнаю тебя. . . .

— Да, помилуйте! это всякой Русской, если не забылъ Бога, также скажетъ: кому захочется мучиться вѣчно въ тартарѣ?

„Слушайте его, друзья мои! — сказалъ Шалауровъ, обращаясь къ матросамъ. — Мнѣ не жаль себя: смерть наша неизбѣжна, и ускоривъ ее, вы сдѣлаете мнѣ еще добро; но я скажу вамъ истинно: жаль вашей вѣчной пагубы!

Между тѣмъ минутное изступленіе разъяренной толпы прошло; слабость смертная заступила ея мѣсто, и, несчастные, погружаясь въ

забвеніе, падали на корабельное деко другъ за другомъ. Видѣлъ Шалауровъ и смерть сына, и смерть Андрея, видѣлъ и — не плакалъ: сердце его окаменѣло! Корабль былъ уже не обитель живыхъ, но огромная могила, печальное кладбище, на которомъ блуждалъ владѣлецъ его, какъ привидѣніе. Наконецъ пробилъ и его часъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ оперся на плечо единственнаго своего товарища, вѣрнаго Степана, и сказалъ постепенно ослабѣвающимъ голосомъ: ,,Богъ видитъ, что я гнался не за корыстью; желалъ, можетъ быть, безумно, но желалъ блага моему Отечеству.... Прости мнѣ, Создатель, что я не умѣлъ соразмѣрить моихъ средствъ.... отпусти мнѣ этихъ многихъ, погибшихъ отъ меня.... прости мнѣ смерть

этихъ бѣдныхъ юношей, увядшихъ подъ моею рукою на самомъ цвѣтѣ лѣтъ... и да будетъ страданіе не тѣла, но души, смертельное страданіе души моей, замѣною вѣчныхъ мученій!... Прости, о свѣтъ!... О отечество!... О Боже!...

Обезсилѣвъ, онъ повалился на помостъ корабля, и добрый Степанъ, закрывъ дрожащею рукою глаза этого необыкновеннаго человѣка, и самъ приготовился къ смерти.

IX.

Много ли времени: мѣсяцъ? а для человѣка, существующаго подъ вліяніемъ безчисленныхъ бѣдъ, иногда одинъ мѣсяцъ..... одинъ часъ бываетъ вѣкомъ! Съ величайшей высоты счастія и блаженства падаютъ; лишаются всего

милаго, всего любезнаго сердцу; прощаются съ самыми вѣрными надеждами; изъ богачей дѣлаются нищими, изъ Царей рабами—и на все это нужно иногда бываетъ не болѣе.... какъ часъ! Я не хочу говорить уже о смерти: ибо одного мгновенія достаточно, чтобы разорвать эту чудную цѣпь многихъ печалей и рѣдкихъ радостей, которую мы называемъ жизнію.

Мы видѣли въ предъидущей главѣ, сколь много совершилось, по отъѣздѣ отъ Баранова камня, съ несчастнымъ Шалауровымъ и его спутниками—и это совершилось почти не болѣе, какъ въ теченіе мѣсяца. Съ знакомыми его и нашими пустынными семействами также было не безъ перемѣнъ, въ продолженіе сего времени.

Начинается съ того, что Анна Антоновна, *къ великому стыду и неописанной досадѣ* [*], получила письмо изъ Средне-Колымска, что вожделѣнный ея зять, Спиридонъ Ефремычъ, по отрѣшеніи отъ должности, началъ придерживаться чарочки, и, съ позволенія сказать, уже и лыкомъ не вяжетъ—какъ было выражено въ письмѣ. Потомъ, съ другимъ пріѣзжимъ, Судьба получилъ кувертъ изъ Петербурга. Анна Антоновна, увидѣвъ его въ рукахъ ѣздока, по ошибкѣ заѣхавшаго въ хижину Неволи, сдѣлалась одержима духомъ величайшаго любопытства, вертѣла кувертъ на всѣ стороны, даже готова была, въ припадкѣ нетерпѣнія, сорвать печать и уже заносила руку, такъ что пріѣзжій едва успѣлъ остановить обезу-

(*) Панкратій Сумароковъ.

мѣвшую старуху; тогда, со злобою и гнѣвомъ, бросивъ кувертъ на столъ, она излила ярость свою на мужа [что съ бѣдными мужьями бываетъ нерѣдко; безъ вины виноваты!]: ,,Вотъ видишь ли—кричала Анна Антоновна, колотя кулакомъ по столу—каковъ дружокъ-то твой? Давно тебѣ говорила, безумному: не вѣрь этому—прости, Господи!—чорту. Гдѣ ты? Жена, вѣдь все вздоръ мелетъ: только судьба уменъ да хорошъ! Вотъ тебѣ и Судьба! Вотъ тебѣ и старой другъ лучше новыхъ двухъ! Знать, себя-то выгородилъ, мошенникъ а ты и купайся вѣчно въ бѣдѣ; сиди у моря да жди погоды!... Однако не докудова мнѣ терпѣть: полно! Оставайся здѣсь, отецъ, когда не умѣешь стараться о себѣ, а я вѣдь не ссыльная; не вѣчно же мнѣ скитаться въ

этомъ дьявольскомъ пустоплесьѣ. Живи въ немъ кто хочетъ, а меня никто удержать не можетъ; возьму дочь, да дойду сама до ГОСУДАРЫНИ; мнѣ бояться не чего; бойся тотъ, у кого не чиста совѣсть, а у меня, слава Богу, она чиста, какъ стекло.... Ужъ если же я доберусь до Петербурга, то опишу же твоего дружка; ужъ я же его выведу на свѣжую воду; ужъ я же его.....

— Поздравляю тебя, другъ мой!— сказалъ вошедшій въ домикъ Неволи Судьба.—Ты свободенъ; тебѣ возвращены и чины и имѣніе.

„Что, что такое, батюшка?—проворчала разъяренная старуха, не могши еще придти въ себя.—Знать, смѣяться пришелъ надъ нами!

— Стыдно тебѣ, Анна Антоновна, еще не знать меня, отвѣчалъ съ важностію Судьба.—Я пришелъ не смѣяться надъ вами, а обрадовать Васъ: вотъ письмо; читайте!

„Другъ мой, вѣрный и истинный другъ!—воскликнулъ Неволя, по прочтеніи письма залившись слезами, и бросясь обнимать колѣна Судьбы.— Простишь ли ты насъ? Мы, безумные, оскорбили тебя, погубили твоего сына, а ты спасаешь насъ отъ заточенія, отъ гибели! . . .

— Батюшка! Отецъ родной! — вопила Анна Антоновна, всхлипывая отъ слезъ.—Простишь ли ты меня, окаянную? Я всему злу причиною. . .

— Перестаньте, друзья мои! — говорилъ Судьба, поднимая Неволю.— Забудемъ прошедшее: оно уже кануло въ вѣчность; только увѣрьтесь въ моей любви къ вамъ; не считайте меня способнымъ думать объ одномъ себѣ! Вы видите, что не столько о себѣ, какъ о васъ я заботился. . . .

„Видимъ, все видимъ теперь—говорили въ одинъ голосъ и Неволя и жена его—и твою доброту и свое безуміе! . . .“

— Перестанемъ, перестанемъ вспоминать объ этомъ, и будемъ лучше наслаждаться настоящимъ. . . Вотъ, другъ мой, наконецъ бѣдствія наши окончились. . . Ахъ! если бы былъ здѣсь мой Андрей, какъ бы онъ радъ былъ!

И Его ГОСУДАРЫНЯ не забыла по своему милосердію: онъ опредѣленъ въ Гвардію. . .

— Слава Богу! Слава Богу!—говорила Анна Антоновна, горя, какъ зарево, отъ стыда и раскаянія.

„Пойдемте же ко мнѣ—сказалъ Судьба—и всѣ вкупѣ раздѣлимъ нашу общую радость, какъ, бывало, прежде раздѣляли общее горе. . . Надобно послать между тѣмъ за Елизаветою и Олинькою; они, кажется, на горѣ. . .

Но въ сію минуту Ольга растворила двери, покрытая смертельною блѣдностію, и въ страшномъ изнеможеніи упавъ на полъ, могла только произнести: „Помогите, помогите ей!

— Что, что такое сдѣлалось? — вскричали въ одинъ голосъ всѣ находившіеся въ хижинѣ, бывъ поражены изумленіемъ и ужасомъ.

„Она умираетъ. . .

— Кто?

„Елизавета. . "

— Гдѣ она?

— Мы шли къ рѣчкѣ. . .

Судьба не распрашивая болѣе, опрометью кинулся изъ хижины; Неволя побѣжалъ за нимъ слѣдомъ; Анна Антоновна осталась съ Ольгою.

Не смотря на всю свою твердость, Судьба едва самъ не лишился чувствъ, найдя дочь свою почти умершую. . . . единственную дочь, которую и по сходству характеровъ и по возвышенности ума и по прекраснымъ качествамъ сердца, онъ любилъ болѣе самаго себя; любилъ, какъ утѣшеніе въ печали, какъ послѣднюю радость въ старости. Но чувствованіе ужаса было ослаблено чувствованіемъ изумленія: подлѣ умирающей Елизаветы сидѣлъ старикъ изнеможенный и покрытый запекшеюся кровію."

„Кто ты, несчастный?—спросилъ его отчаяннымъ голосомъ Судьба. — Или ты убійца моей дочери?

„Нѣтъ, Григорій Петровичъ!—от-

вѣчалъ старикъ.—Боже, сохрани меня отъ этого! Вы не узнали меня: я матросъ Степанъ, который пріѣзжалъ къ вамъ съ Никитою Андреичемъ. . .

— Боже мой! что это все значитъ? Гдѣ же Никита Андреевичь? Гдѣ мой сынъ? Отъ чего одинъ ты очутился здѣсь?

Не спрашивайте меня, Григорій Петровичъ! Не радостную вѣсть принесъ я вамъ! . . .

„Говори, говори скорѣе. . . . или нѣтъ, погоди; дай мнѣ собраться съ духомъ. . . Великій Боже! еще ли не окончилось мое испытаніе въ сей жизни ? . . .

„Бѣда, бѣда, Григорій Петровичъ! Всѣ погибли . . . .

— И сынъ мой?

„Всѣ, всѣ!

—Боже! Боже!—воскликнулъ Судьба, закрывъ руками лице.

„ Что станешь дѣлать? — говорилъ матросъ, едва переводя духъ отъ изнеможенія, и примѣтно слабѣя съ каждымъ словомъ.—Что станешь дѣлать? Такая планида пришла! Я говорилъ Никитѣ Андреевичу: не затерло бы льдами! Такъ и случилось! . . Сперва кое-какъ бились; все надѣялись: авось, авось либо Богъ вынесетъ. . . Ахъ, Русское сердце нескоро унываетъ, ро-

димый! . . Но глядимъ, поглядимъ: спасенья все нѣтъ, какъ нѣтъ! А между тѣмъ провіантъ весь изошелъ; наступилъ голодъ; что день, то хуже; пришла бѣда неминучая! Всѣхъ, какъ варомъ поварило, кормилецъ! . . . Не повѣришь, Григорій Петровичъ, не хотѣлось отставать отъ товарищей: лучше меня, думалъ я, умерли, люди здоровенные, молодые, могучіе, а я что? Да нѣтъ! . . . Знать Богу угодно было, чтобы я притащился къ вамъ съ этой горькой вѣсточкой.... Вдругъ ударила буря; разломало льды, какъ гнилую оградину, и корабль, какъ стрѣлу помчало къ берегу; перекинуло чрезъ банку, и носомъ уткнуло въ песокъ... Тутъ, откуда ни взялись проклятые Чукчи; все ограбили, все утащили до послѣдняго гвоздочка, а меня избив-

ши, бросили, окаянные, полумертваго на берегу. . . . Самъ не знаю я, какъ Господь далъ мнѣ силы дотащиться сюда. . . Но вижу, что я уже не жилецъ! . . . Языкъ примерзаетъ ко рту. . . Глаза темнѣютъ. . . . Отслужилъ я службу Царскую! . . . Не хотѣлось бы умереть безъ покаянія, на пустоплесьѣ, но дѣлать нечего, когда Богъ привелъ. . . "

Слушая и ничего не слыша, Судьба стоялъ въ какомъ-то забытьи, надъ тѣломъ дочери; казалось, ни какая мысль, ни какое чувство непробуждалось въ душѣ его: все существенное превратилось въ нестройный, безпокойный сонъ; все видимое слилось въ мутной, неопредѣленный туманъ, гдѣ блуждали воздушные при-

зраки, безъ очертанія, безъ образовъ. Почти всегда таково бываетъ сильное дѣйствіе горести: это милосердіе и премудрость природы.

— Григорій Петровичъ! — сказалъ подошедшій въ сіе время Неволя — поспѣшимъ-те домой; возьмите на руки Елизавету Григорьевну, а я потащу какъ нибудь этого бѣдняка....

„Боже мой! Боже мой! — восклицалъ Судьба, какъ бы безъ самочувствованія поднимая на руки Елизавету, почти по насильному побужденію Неволи. — Что я дѣлаю? Что со мною дѣлается? . . . .“

По принесеніи домой Елизаветы, мать ея хотя была поражена горестію

безпредѣльною, перейдя вдругъ отъ самыхъ сладкихъ надеждъ, отъ самыхъ пріятныхъ, радостныхъ мечтаній въ глубочайшую бездну золъ; но, забывая сама себя, думала только о спасеніи дочери, и употребляла все, что только могла и знала, дабы спасти ее. Дѣйствіе любви материнской выражается въ удивительныхъ явленіяхъ!

После многихъ стараній, бѣдная мать, наконецъ, успѣла привести въ чувство умирающую дочь свою. Елизавета открыла глаза, но ничего не говорила: замѣтно было, что она не понимала бывшаго предъ нею. Наконецъ она спросила мать самымъ слабымъ голосомъ: ,,Маминька! это вы?.... Такъ я видѣла сонъ?... Ахъ, какой страшной сонъ!... Какой-то старикъ, ужасный старикъ,

какъ злобный духъ, вдругъ чѣмъ-то самымъ смертоносным поразилъ меня.... Сердце мое, казалось мнѣ, разорвалось на части. . . . Что-то такое ужасно тяжелое, какъ цѣлая скала, упала на меня; грудь такъ стѣснило; я не могла дышать. . . Такъ это сонъ былъ? . . . Слава Богу! . . . Да, я забыла еще. . . Этотъ злобный старикъ говорилъ съ адскою улыбкою, будтобы Владимiръ и братецъ погибли . . . [Сiи слова больная произнесла шепотомъ] . . . . . . О какъ мучительно было это слушать! . . . Такъ это сонъ былъ? . . . А то я, кажется, умерла бы, непремѣнно умерла бы. . . "

— Успокойся, успокойся, милая! — говорила Варвара Степановна, заглушая свою смертельную горесть.

„Я спокойна теперь, любезная маминька!... О чемъ же печалиться?.. Они, живы и я видѣла только сонъ... Вѣдь это правда, что я видѣла сонъ?“

— Да, правда. . .

„Боже мой! — вскричала Елизавета страшнымъ голосомъ, отъ которагo затрепетали всѣ около нея состоявшіе — Боже мой! это онъ! Я видѣла опять этого адскаго старика...“

Въ это время матроса провели въ домикъ Неволи.

„Это только показалось тебѣ. . .

— Нѣтъ; я помню его ужасный видъ. Вы не видали, а онъ такъ страшно посмотрѣлъ на меня; такъ зло-

бно прошипѣлъ, какъ змѣй: они погибли, погибли навсегда! . . . .

„Ради Бога, успокойся: это только мечта разстроеннаго воображенія! .“

—Такъ они не умирали? . . О, какъ пріятно это думать! . . . Повторите мнѣ эти сладкія слова: они живы; мой братъ, мой милый Владиміръ еще живы! . . . Что же не говорите вы? . . Повторите мнѣ эти слова! Я прошу, умоляю васъ! . . . Вы рыдаете? . . . Стало быть это не сонъ, что я видѣла! . . . Точно это не сонъ! . . . . . Теперь я вспомнила... Я была съ Ольгою... Гдѣ она? . . . . Мы шли; вдругъ завидѣли старика тощаго, окровавленнаго. . . Мы къ нему. . . Кто ты? Откуда ? . . . И онъ сказалъ. . . . О! это былъ не

сонъ! Нѣтъ, не сонъ! . . . Но гдѣ же Ольга? Отъ чего она не придетъ увѣрить меня. . . . Ахъ, увѣрьте, увѣрьте меня, что это былъ сонъ! . . . Какъ опять давитъ меня эта ужасная скала! Сбросьте ее съ меня; сбросьте, хотя на минуту, сбросьте. . . О жестокіе! для чего вы не хотите исполнить моей мольбы? . . . . О если бы здѣсь былъ мой Владиміръ, мой братъ! . . Но вотъ они!. . . Идите скорѣе, спасите, освободите меня!... Великій Боже! что я вижу?. . . Они чудно измѣняются; тѣла ихъ становятся воздушными, свѣтлыми, какъ сіяніе солнца. . . . Они отдѣляются отъ земли! . . И какъ быстро несутся по воздушному пространству! . . Куда, куда улетаете вы, мои милые, мои драгоцѣнные? . . Они манятъ меня къ себѣ! . . Дайте мнѣ

сбросить эту скалу! . . . . Еще, еще одно мгновеніе подождите! . . . Слава, Создателю, я свободна! . . я лечу къ вамъ! . . . .

Съ сими словами прекрасная душа Елизаветы дѣйствительно улетѣла изъ дольняго міра; надъ оставшимся прахомъ стояли въ отчаяніи бѣдные ея родители и горько, горько плакали. Изобразить въ настоящей мѣрѣ ихъ скорбь и страданіе не льзя: подобное мученіе можетъ быть только понятно для сердца родительскаго, но неизобразимо. Близкое къ отчаянію, къ ропоту, оно есть истинное испытаніе сердца, отъ котораго отнимается внезапно самое драгоцѣнное, самое кровное, дабы отъучить его отъ земли, и устремить къ Небу.

Въ слезахъ и горести зарыли бѣдные старики свое послѣднее сокровище въ землю, на Западной сторонѣ Баранова камня. Состояніе самой природы соотвѣтствовало расположенію ихъ душь: лѣто уже пролетѣло, и холодный вѣтеръ уныло напѣвалъ какъ бы погребальную пѣснь. Разстроеннымъ, разогорченнымъ страдальцамъ казалось, что они слышали въ высотѣ воздушной прощальные стоны дѣтей, отлетающихъ отъ земли.

Неволя и жена его также участвовали въ печальномъ обрядѣ погребенія, и когда возвратились всѣ домой, то Судьба сказалъ со вздохомъ: „Вотъ, друзья мои, что сдѣлала наша ссора! Теперь мы получили обратно всѣ почести, всѣ имѣнія, и между тѣмъ были

ли когда нибудь такъ несчастливы, какъ теперь? *Все суета суетъ на землѣ, кромѣ любви и міра!*

Ольга не въ силахъ была участвовать въ погребеніи; но потомъ почти все время проводила на могилѣ своей единственной подруги. Веселость ея изчезла; постоянная печаль сдѣлалась ея стихіею. Андрей и Елизавета звали ее въ другой, лучшій міръ, гдѣ обитала та радость, которую сердце ея тщетно искало на землѣ. Напрасно старались родители утѣшать ее, ласкать будущимъ счастіемъ, изображать лестную перспективу богатой жизни: душа Ольги была занята однимъ предметомъ — потерею незабвенныхъ; желала одного счастія—скорѣйшаго соединенія съ ними. Могила

Елизаветы была единственнымъ мѣстомъ, куда она ходила изъ своей хижины. Большую часть времени проводила она въ глубочайшей думѣ, сидя при подошвѣ деревяннаго креста, поставленнаго надъ могилою ея подруги. Ни состояніе здоровья, ни время года, ни увѣщанія родныхъ, ничто не могло отвратить ее отъ сего мѣста: тамъ таинственно бесѣдовало сердце съ неземными друзьями, прилетавшими на его призывъ.

Спустя двадцать лѣтъ путешественники видѣли два креста около Баранова камня, уже склонившіеся къ землѣ и полусогнившіе. Домики были сломаны, кѣмъ неизвѣстно. Ничто не напоминало, что тутъ жили нѣкогда души свѣтлыя, бились сердца чувстви-

тельныя; что и тутъ лились мысли, горѣли чувствованія, блистала радость, и тяготѣла печаль. Но что же? Не такова ли исторія и цѣлаго міра?

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано:		Должно читать:
1 — 6	Встаньте . . .	Станьте
2 — 14	тѣмнѣютъ . . .	темнѣютъ
10 — 2	лежала	лежали
35 — 4	гнѣтомъ	гнетомъ
38 — 8	отвсюда	отвсюду
43 — 8	оледѣнели . . .	оледенѣли
64 — 3	Вѣсна	Весна
— 5	приближилась .	приблизилась
88 — 6 снизу	блавѣстъ . . .	благовѣстъ
113 — 2	вскричавшимъ .	вскричавшаго
121 — 11	Небо; . . .	небо
136 — 7	цѣль	цѣпь
161 — 9	состоявтіе . .	стоявшіе